

АТОМНЫЙ

ГОРОД

АЛЕКСЕЙ ДОРОНИН
**ПОКОЛЕНИЕ
ПЕПЛА**

«КРЫЛОВ»

Черный день

Алексей Доронин
Поколение пепла

«Крылов»

2015

УДК 84Р1-44
ББК 882

Доронин А. А.

Поколение пепла / А. А. Доронин — «Крылов», 2015 — (Черный день)

ISBN 978-5-4226-0264-3

Больше года миновало с тех пор, как человеческая цивилизация окончила жизнь самоубийством. Война уцелевших сверхдержав еще тлеет, но где-то далеко. А в Западной Сибири назревает своя битва. В городке Подгорный возглавляемая майором-отставником Демьяновым община организовала подобие мирной жизни. Но покой уцелевшим в ядерном пламени только снится. Совсем скоро им снова предстоит отстаивать свое право на жизнь и урожай. Беда снова придет с юга. Только теперь это будет не просто стычка с бандитами, а настоящая гражданская война. Чтобы выжить, предстоит пройти по кровавым дорогам братоубийственной бойни. В войне, которую не они начали, им придется сражаться до конца.

УДК 84Р1-44

ББК 882

ISBN 978-5-4226-0264-3

© Доронин А. А., 2015

© Крылов, 2015

Содержание

Призраки Ямантау	5
Часть 1	10
Глава 1. Дорога на Урал	10
Глава 2. Разговор на привале	16
Глава 3. Прорыв	25
Глава 4. Коммуна	29
Глава 5. Суша и море	37
Глава 6. Духи Ямантау	45
Глава 7. УКП	52
Часть 2	59
Глава 1. Логово	59
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алексей Доронин Поколение пепла

Призраки Ямантау

22. Так сказал Ахура-Мазда Йиме: «О Йима прекрасный, сын Вивахванта, на этот плотский злой мир придут зимы, а от них сильный смертельный холод. На этот плотский злой мир придут зимы, и сначала тучи снега выпадут снегом на высочайших горах на глубину Ардвиги.

25. И ты сделай Вар¹ размером в (лошадиный) бег на все четыре стороны и принеси туда семя мелкого и крупного скота, людей, собак, птиц и красных горящих огней. Сделай же Вар размером в бег на все четыре стороны для жилья людей и размером в бег на все четыре стороны для помещения скота.

26. Там воду проведи по пути длиною в хатру, там устрой луга, всегда зеленеющие, где поедается нескончаемая еда, там построй дома, и помещения, и навесы, и загородки, и ограды.

27. Туда принеси семя всех самцов и самок, которые на этой земле величайшие, лучшие и прекраснейшие. Туда принеси семя всех родов скота, которые на этой земле величайшие, лучшие и прекраснейшие.

28. Туда принеси семя всех растений, которые на этой земле высочайшие и благовоннейшие. Туда принеси семя всех снедей, которые на этой земле вкуснейшие и благовоннейшие. И всех сделай по паре, пока люди пребывают в Варе.

29. Пусть там не будет ни горбатых спереди, ни горбатых сзади, ни увечных ни помешанных, ни с родимыми пятнами, ни порочных, ни больных, ни кривых, ни гнилозубых, ни прокажённых, чья плоть выброшена, ни с другими пороками, которые служат отметинами Анхра-Манью, наложенными на смертных.

«Миф о Йиме», Видевдат² (перевод И. М. Стеблин-Каменского)

Интермедия 1. Исполняющий обязанности

Владимир Бобров нервничал. Бывший вице-премьер страны бежал по коридору, на ходу набрасывая пиджак. Стильные ботинки от миланского дома моды были надеты на босу ногу,

¹ Вар – авест. Вара, глинобитная крепость или замок, служащий убежищем для людей, скота, растений и огней во время смертельных холодов зим, снегопадов и наводнений.

² Видевдат – собрание священных текстов и мифов зороастрийцев, часть Авесты, старейшего памятника древнеиранской литературы.

ширинку он застегнул только минуту назад, а галстук даже не потрудился завязать. Прическа, за которой он следил даже здесь, тоже сбилась.

К счастью, в поздний час, после отбоя, коридоры были пусты, и никто кроме приближенных не мог видеть этого безобразия.

Десять минут назад локаторы засекли приближение с северо-запада шести воздушных целей, которые были вскоре классифицированы как конвертопланы V-22 Osprey.

«Откуда они?» – прокричал Бобров в трубку внутреннего телефона.

«С моря, господин президент, – ответил дежурный офицер, и Боброву почудился сарказм в этом обращении. – С авианосца или универсального десантного корабля».

Как ему объяснили, долететь сюда от побережья эти диковинные машины, сочетающие возможности самолёта и вертолета, могли с помощью дозаправки в воздухе. И несли они наверняка десант. Все шесть, судя по всему, приземлились к северу от Горы, за пределами слабых средств ПВО Ямантау.

Пока скоростной лифт поднимал их на командный уровень, и.о. президента распекал своего помощника Виталия Акимова за то, что тот не сообщил ему раньше.

– Вы были недоступны, – в глазах главы администрации читалось неприкрытое издевательство.

Лампы в коридорах административного блока зажигались при их приближении, а когда они удалялись, все снова погружалось во мрак. Даже здесь, в VIP-зоне, как они между собой называли 7-ой уровень, действовал режим экономии. Если не энергии, то ресурса ламп.

«Хоть что-то в этой дыре меня слушается, – с горечью подумал Бобров. – Хотя бы лампочки».

При их появлении монтер в синем комбинезоне, копавшийся в электрощите, ушел с дороги и встал у стены, как изваяние. Хорошо еще, что не поклонился.

Бобров чувствовал, что все техники, как и силовики, с трудом прячут ненависть к нему под маской равнодушия. А тех, кто пришел с ним, и вовсе считают кучкой паразитов. Ну что ж, в последнем они правы.

Его личная охрана, два откормленных мордоворота, прибывшие с ним из столицы, едва успевала за коротконогим шефом. Бобров был уверен в их лояльности, но не в боевых качествах.

Акимов, расторопный координатор по молодежной политике, ныне взлетевший до административных небес, шагал спокойно и нагло. Альбина Кулик, секретарша Акимова и их общая любовница, семенила за ними.

Она была выше на целую голову, но Боброву, как Наполеону, это не мешало повелевать ею. Он знал, что паршивец из «гитлерюгенда» при этом часто подсматривает. Тому как главе администрации был открыт доступ и в серверную, и на посты служб безопасности, а во всей Горе не найти места, где не были бы установлены камеры.

Но это шефа только распаляло.

Хотя в последние дни даже хитрые придумки с латексом, костюмчики медсестры и ангелочка, которые она с готовностью надевала, не могли прогнать его мрачные думы. Его, мастера дворцовых интриг, постепенно оттирали на обочину. Генералитет, среди которых выделялся генштабист Рыбин и еще два упрямых ФСБ-шника, грубые мужики, любившие не Верди и Босха, а охоту и рыбалку, постепенно отжимали у него власть. Его, царедворца, в котором жила душа поэта – «сапоги» и спецслужбисты хотели выкинуть на помойку.

Он знал, что его дни сочтены, но понимал всю ответственность, которую возложила на его плечи история. Последний номинальный глава России должен уйти, как последний император Византии. Пасть от руки настоящих врагов, в жарком бою, как Каддафи.

Но боя не будет. В случае штурма при любом исходе его сметут. Для отражения атаки военные заберут всю полноту власти. Причем не станут довольствоваться отставкой. Как

только мираж легитимности рухнет – странно, что он еще держится – его живьем сбросят в шахту недостроенного лифта. А там пока летишь, можно о многом успеть подумать, всю биографию вспомнить.

Поэтому Бобров принял решение.

Переговоры вел он сам, говоривший по-английски получше, чем некоторые выпускники Йеля.

– Это временно исполняющий обязанности Президента Российской Федерации Владимир Бобров. С кем имею честь говорить? – произнес он в микрофон.

– Грегори Линдерман, специальная комиссия по эвакуации при Конгрессе.

Должность тот мог выдумать из головы минуту назад. Ну и что? Он мог назваться хоть специальным помощником Санта – Клауса, все равно Бобров не изменил бы свое решение.

– Зачем вы пришли?

– Чтобы оказать содействие в эвакуации вас и ваших людей. Как и следует из названия нашей конторы.

Судя по лексикону и манере держаться, он явно был из мозгокрутов ЦРУ или еще более засекреченного агентства.

Уловив в голосе собеседника нотку скепсиса, Линдерман пять минут разливался соловьем про то, что, несмотря на тяготы войны и гекатомбы жертв, а также несомненную вину Российской Федерации в развязывании мировой бойни, правительства держав Коалиции готовы протянуть руку помощи гибнущей стране, содействовать в благородном деле спасения ее лучших людей, нравственной и интеллектуальной элиты, укрывшейся в Ямантау.

– Ведь пока живы они, жива и Россия... Вам будут выделены земли в штате Новый Южный Уэллс, Австралия. Триста тысяч квадратных миль в полное распоряжение.

Движением руки Бобров открыл виртуальную карту, проецирующуюся на стену. Карту, которая до 23-го числа регулярно обновлялась по данным со спутников. Ничего так земляца... Но им хватит меньше. Гораздо меньше.

– В данный момент «Владивосток», ваш бывший вертолетоносец класса «Мистраль», чей экипаж капитулировал, в соответствии с действующими международными конвенциями введен в состав «Флота мира», – продолжал велеречивый агент. – Он находится у побережья Таймыра, в Карском море с гуманитарными целями. На борту уже три тысячи ваших сограждан, спасенных нами из городов Севера России, и он может принять еще четыре.

«Может, и сможет принять, – подумал Бобров. – Но как вы довезете нас туда? На шести конвертопланах, каждый из которых поднимает, если не врут спецы, по две тонны груза?»

– Нас больше, чем четыре тысячи, – вмешался в разговор Акимов. Шеф зло зыркнул, но ничего не сказал.

Минутная задержка...

– Оставшимся найдется место на авианосце ВМФ США. Ну же, не тяните.

– Дайте нам полчаса на размышление, господин Линдерман, – стараясь не выдать волнения, ответил Бобров.

– У вас их нет, – хриплым басом проговорил на том конце кто-то другой. – Это полковник морской пехоты Свенсон. Готовьте своих людей к эвакуации, мистер Бобров. У вас есть десять минут. Но ворота лучше открыть уже сейчас.

Против воли Бобров представил этакого матерого викинга. Синие пронзительные глаза, седина в волосах, грубые обветренные ручищи, которыми удобно держать и весло драккара, и рукоять топора. У его предков была интересная традиция вырезать еще живым людям сердце вместе с ребрами – это называлось «кровавый орел».

– Хорошо. Мы согласны на ваши условия, – произнес Бобров и отключил связь.

Он обвел глазами собравшихся на командном пункте. – Объявляйте общее построение. Всем, включая дежурные службы и охрану.

– Вы уверены, шеф? – Глаза ближайших соратников были наполнены тревогой. Жить хотели, сволочи. Но приказ побежали выполнять.

– Им можно верить. Это же цивилизованные люди.

Внезапно Бобров почувствовал, как в комнате повеяло холодом. Интуиция и раньше спасала ему жизнь, но сейчас он был готов поклясться, что слышит какой-то звук на пределе восприятия. На ум ему пришли строчки из композиции «Doors», которую очень любил один из прошлых президентов:

«This is the end... Beautiful friend... The end».

Было тихо, но он кожей ощущал, как достигает крещендо бой невидимых барабанов.

Шум в коридоре. Хлопок, в котором Бобров узнал выстрел с глушителем, чей-то слабый всхлип. Ответные выстрелы пистолетов охраны, крики, стук падающего тела.

– Рыбинцы! – запоздало заорал один из бодигардов.

Трясущейся рукой Бобров нажал на кнопку, опускающую аварийные двери – предусмотренные на случай пожара или затопления, они надежно отсекали командный пункт от остального бомбоубежища.

«I'll never look into your eyes again...»

Главный инженер объекта Симченко, вызванный минуту назад по тревоге, был белый как полотно.

– Открывайте внешние транспортные ворота, вашу мать, – Бобров направил на него свой пистолет с золоченой рукоятью, второй протянул дрожащему Акимову.

Но рука у того настолько дергалась, что в последний момент и.о. президента сунул оружие Альбине. Если есть хоть кто-то на свете, кто умрет за него, то уж скорее она, чем этот червь. Но задержат ли эти паразиты (в исконно греческом значении слова – «прихлебатели») хоть на пару минут толпу взбешенных офицеров?

Его человек на энергоблоке в этот момент уже вывел стержни из реактора. Дублирующие сети питания тоже удалось вывести из строя. Даже если захотят, рыбинцы не сумеют быстро закрыть ворота.

А большинство людей, включая всех гражданских, уже построились в главном зале. Обесточенные лифты, закрытые аварийные двери и погасший свет дополняли картину. Неприемлемым будет очень трудно. Да и их всего-то человек сто. Часть камер слежения внешнего периметра еще работали, и Бобров невольно залюбовался пришельцами с другого континента, которые уже занимали позиции у главного лифта. Они были похожи на роботов: в дыхательных масках, с футуристически выглядящими автоматами. Куда там нашим лапотникам... Этим гостям темнота не помеха, у каждого есть nightvision goggles на бронированной башке.

Но внезапно восхищение сменилось яростью.

«Я передал вам все явки и пароли, что вам еще надо? Вы и здесь меня нашли, сволочи? Но мою душу вы не получите. Я ее уже продал тому, для кого вы всего лишь лакеи...»

Кресло в его личном кабинете, куда Бобров забежал, отрезав себя еще одной бронированной дверью даже от своих клеветов, приняло его спину неохотно. Оно было сделано с учетом антропометрических данных другого человека. Тоже невысокого, но более атлетически сложенного.

Это офис был вознесен на высшую точку пробуренных в горе катакомб, словно строители угадали желание заказчика, которым был, конечно, не Бобров.

Перед его глазами – терминал, откуда можно было лично, как дирижеру, контролировать почти все процессы в бющемся в агонии убежище Ямантау.

Несколько маленьких синих таблеток, которые помогали лечиться от депрессии, были проглочены еще за их ужином с Альбиной и запиты вином, и плевать он хотел на противопоказания. Палец елозил на спусковом крючке.

– Это конец, – произнес он в коммутатор, обращаясь ко всем еще живым в Ямантау и захлебываясь слезами. Но это были не слезы боли, а слезы творческого прозрения, как у художника, создавшего новую картину.

Они все обещали ему жизнь. И те американцы, и рыбинцы, которые уже прорвались и устроили бойню на командном пункте. Но они не понимали, что здесь после Армагеддона он, как никогда раньше, понял величие смерти. Ведь Смерть – это не только конец боли и страданий. Это еще и моментальное фото. В смерти человек приобретает вечность, и вечность обнимает человека. Живое тленно, а мертвое вечно. Надо только подобрать подходящий «формалин». Нет, не как для Ильича – можно остаться в истории и без дурно пахнущего тела. Но еще лучше забрать с собой как можно больше.

Наверно, только Нерон понимал это не хуже него.

Бобров знал, что последний акт его драмы должен быть именно таким. Второй роман, который он начал писать уже в Ямантау, так и останется недописанным.

Первый, «Ниже нуля», был в духе Пелевина, про богему и развращенную московскую тусовку, с легким добавлением порнухи и чернухи. В частности, речь там шла о подпольных съемках порнографии с реальным изнасилованием и смертельным исходом. Второй, «Последний рейс Costa Victoria», он начал писать уже в Ямантау, под впечатлением того, что увидел во время своего бегства из столицы. Это был чистый вымысел про тех, кого катастрофа застала на роскошном лайнере в Средиземном море. И крови там было на порядок больше, как и грязи.

Распиленная резакон дверь рухнула, по мягким коврам затопали сапоги.

– This is the end, – повторил Бобров и нажал на спуск. Часть его черепной коробки взлетела к потолку.

Но в последнюю секунду, пока зрительный нерв еще не разорвала свинцовая пуля, он увидел на мониторах системы безопасности, что американские морпехи уже внутри Горы.

Где-то далеко на севере еще плавали в воде объединенные рыбами тела в спасжилетах с надписью «Владивосток, ВМФ РФ»... А глубоко на дне, на богатом нефтью арктическом шельфе лежал разорванный пополам труп первого русского «Мистраля».

Часть 1 Экспедиция

*Проклятое место: смыкаются линии в круг.
И в чёрный квадрат упираются стороны света.
Здесь руку подаст пустота и заявит: я – друг.
И ты ей поверишь, и рукопожатьем ответишь.
Она позовёт и навек уведёт в никуда,
Твой след на земле, словно грязь на ковре, затирая.
И самая близкая к нашей планете звезда
Внезапно погаснет для тех, кто тебя потеряет.
Проклятое место. Марирут роковой измени.
Десятой дорогой его обойди, ради бога!
Холодные камни, что были когда-то людьми,
Тебя умоляют свернуть с этой страшной дороги.
Холодные камни и чёрная мёртвая пыль,
И, помнящий судьбы бесследно исчезнувших,
ветер...
И тот, кто тебя столько лет от несчастий
хранил
Тебя умоляет... Неужто ему не ответишь?*

С. Костюк, «Проклятое место»

Глава 1. Дорога на Урал

Вначале речь шла о месяце, затем о том, чтобы вернуться до сильных холодов. Потом и про это обещание забыли, а спрашивать командиров было бесполезно. Понимая, насколько растяжимо это понятие, Александр не рассчитывал снова увидеть город, ставший вроде бы родным, раньше ноября-декабря.

Продуктов у них с собой было много, и все длительного хранения. Только в их машине четыре коробки консервов, и Данилов хорошо понимал – зачем. Запасы топлива еще можно было пополнить по дороге. За патроны – универсальную валюту, верно предсказанную фантастами – им налили бы солярки легко. Продукты за эти же патроны калибра 7.62 им не продали бы никогда. Еду можно было только отнять силой, и Александр подозревал, что если понадобится, они пойдут и на это. Слишком многое было поставлено на карту. А пока им каждый день выдавали хоть и скудный, но питательный паек: вдвое сытнее, чем в Подгорном.

Еще было далеко до полудня, а они уже добрались до Новосибирска. Данилов думал, что коль скоро они двинутся по одному из уцелевших мостов, он сумеет хорошо рассмотреть и запечатлеть то, что осталось от Новосибирска. Но ни поснимать, ни даже взглянуть одним глазком не удалось – город проскочили на предельной скорости и с задраенными окнами.

Металлическую створку разрешили открыть, но совсем ненадолго. Уровень радиации не спадал.

Колонна ехала вдоль берегов разлившейся Оби и бывшего Новосибирского водохранилища, превратившегося в гигантское болото. Берега покрывала маслянистая жирная грязь, и трудно было понять, чего в ней больше, органики или химии. Если приглядеться, можно было рассмотреть увязшие тела и кости людей и животных, предметы обихода – от крышек до телевизоров. Теперь в этом мусоре рылись жирные вороны и непонятно откуда взявшиеся

взъерошенные серые чайки. Пару раз они замечали собак, но ни одну подстрелить на ходу не удалось – твари стали гораздо осторожнее. Данилов читал, что когда построили плотину ГЭС и заполнили Новосибирское водохранилище, под водой оказалось много населенных пунктов. После таянья снегов великая сибирская река отхватила где сто, где двести метров береговой полосы, но за пару летних месяцев уровень воды немного спал – и та обнажила прежний берег, уже успевший размыться, и вытолкнула из себя все, что накопилось в ней за время половодья.

Осенние дожди снова наполнили и Обь, и те прудики и болотца со стоячей водой, которые отрезала от нее летняя сушь. Под колесами то и дело начинала чавкать грязь, а когда приходилось высаживаться, надо было очень внимательно смотреть, куда ставишь ногу. И было разумно с их стороны выехать с первыми заморозками, иначе заели бы комары и гнус.

Вскоре река осталась далеко позади, земля стала гораздо суше. Два раза за этот день им попадались встречные машины – это были небольшие караваны из трех-четырёх машин. Уже то, что кто-то рискнул выехать на дорогу, показывало, что здесь если и убивают путников, то не всегда. При приближении колонны те боязливо жались к обочинам и останавливались. Кто-нибудь из идущей впереди штабной машины выходил, они перебрисывались несколькими словами, затем гонка продолжалась.

«Договариваемся на берегу, журналист, – сказал Александру еще в первый день Дэн, бывший сурвайвер, назначенный старшим по машине. – Нянькаться с тобой никто не будет. Лямку будешь тянуть как все».

Саша согласно кивнул, принимая это как само собой разумеющееся. Тот, кто был с ним на вылазках, знал, что новенький не белоручка. Еще до экспедиции новые товарищи смотрели на него с подозрением из-за недавнего прошлого – слухи распространялись быстро. Но он делом доказал, что может быть своим. Пусть со странностями, пусть диковатым, но тем, на кого можно положиться. Простые как сибирские валенки, не знающие ученых слов типа конгениальность, они жили одним днем и не забивали головы всякой ерундой. Зато с ними было просто, и велик был соблазн самому стать таким же...

Вскоре Данилову показалось, что он узнал один из отрезков дороги. И точно: он тут когда-то проходил.

К полудню проехали через Коченево, предварительно обследованное разведгруппой, двигавшейся впереди них с опережением на пару километров. Как и все города, где было больше двадцати тысяч жителей, этот стоял брошенным – в таких было трудно даже просто следить за санитарией.

Где когда-то был прилепившийся к городку лагерь беженцев, только ветер шевелил размокший мусор и куски мокрого брезента – на том месте, где стояли палатки карантинной зоны. Тут и там попадались черные пятна – следы то ли костров, то ли бушевавшего пожара, среди которых попадались предметы, похожие на обгорелые тела. Мимо супермаркета, где был пункт раздачи продуктов и где Данилов впервые увидел настоящий бой, завершившийся кровавой бойней, они не проезжали, чему Саша был только рад.

На дороге часто попадались сожженные остовы машин. Данилов вглядывался, насколько позволяло забрызганное окно, и иногда замечал в металле пулевые отверстия.

Как будто судьбе вздумалось сжигать за мной все мосты, подумал Данилов. Чуть больше года назад он брел здесь один-одинешенек. Уже не интеллигент, но еще не бродяга. Беженец. Что изменилось с тех пор? Он все так же несется не по своей воле, как лист, увлекаемый потоком. «Или болтается, как кусок дерьма в унитазе», – подумалось Саше. Ну нет. Он больше не один.

Боль в левой стороне груди, скользкий комок в горле, пощипывание в уголках глаз говорили ему, что он снова становится человеком. Не неандертальцем, которому важно только пожрать и поспать. А вот хорошо это или плохо – черт знает.

Колонна двигалась на запад стремительно, похоже, стараясь обгонять слух о своем появлении. Ели на ходу, только несколько раз останавливались на пятнадцать минут, чтоб оправиться, покурить, да и то в таких местах, куда никому не пришло бы в голову сунуться, вроде заброшенных ферм, где не осталось даже признаков забитого и съеденного скота.

Только теперь, когда они выбрались из своего карманного мирка, Саша смог оценить, как сильно пострадала страна от войны. Цивилизация сжалась как шагреновая кожа. Равнина, которая называлась Барабинской степью и тянулась до самой Омской области, была худо-бедно заселена, хоть и выглядела как вымершая. Вдоль трассы им то и дело попадались деревни и села, в которых обитаемыми были где десять, где двадцать, а где и сто дворов. Но это были остатки, а не семена нового. Везде, где проезжала колонна, люди вели натуральное хозяйство без намека на организацию более высокого уровня. Как и тысячи лет назад, они жались по берегам рек, только не больших водных артерий, а второстепенных речушек, которые меньше подверглись загрязнению; ловили рыбу и огородничали.

Выращивали в основном картошку – ему на глаза попадались кучки ботвы на полях. Поля крупных хозяйств стояли заброшенными; трактора, если и были, то не находили применения.

Как и в Подгорном, тут недавно собрали урожай, и теперь пища у деревенских была; но, даже видя только их жилища, Данилов хорошо представлял себе отечные и заморенные лица людей, для которых кусок бурого картофельного хлеба так же ценен, как раньше золотой слиток.

Какое-то время он считал и ловил в объектив указатели поворотов, на которых сменяли друг друга незнакомые названия. Карган, Ермолаевка, Орловка, Новоселово. Поворот на Куйбышев. Антошкино, Покровка... Венгерovo.

Шестьсот километров они пролетели за один световой день – с завидной скоростью по новым временам. Первая настоящая остановка колонны была в поселке Кузнецово, уже недалеко от границы с Омской областью.

С ним у Подгорного были налажены отношения, которые, впрочем, не шли дальше пары радиосообщений в месяц и всего одного визита за все время контакта. Здесь же их снабдили и топливом – не задаром, а в обмен на привезенные медикаменты. Как догадался Александр, смысл этой операции был в том, чтобы не везти с собой через опасный Новосибирск вереницу автоцистерн, которые горят как свечи. Такой не то «аэродром подскока», не то «дозаправка в воздухе».

Стали табором на территории пожарной части, так чтобы ни с одной стороны к ним было не подобраться. Машины, в том числе их бронированный «Урал» с турелью, который между собой они называли «Железный капут», вольготно расположились в кирпичных гаражах.

Сами они перешли в административное здание. Данилову с товарищами по «Капуту» досталось помещение, где раньше хранился пожарный инвентарь.

– Не расходиться, – сразу же объявил командир их звена Дэн, прежде чем уйти вместе с парой других командиров на переговоры.

Как при своем американизированном прозвище он умудрялся ненавидеть пиндосов, для Саши было загадкой, но сам по себе сурвайвер показался ему неплохим человеком. У него не было начальственной ауры Богданова и с ним можно было общаться на равных. Но, несмотря на его демократичный нрав, нарушать приказ не стоило. Поэтому снимать оставалось разве что свернутые пожарные рукава да коридоры, по которым лениво бродили обрадованные передышкой поисковики.

Разговор переходил от одной темы к другой, пока не остановился на том, что, похоже, пришло многим на ум еще по дороге.

– Отгадайте загадку, мужики. Чем они питались зимой? – произнес Василий Петрович, бывший работник авиазавода, которого из-за возраста все звали по отчеству. Говоря, он почему-то покосился на Сашу.

Проезжая через поселок, участники экспедиции рассматривали местных с куда большим любопытством, чем те – их. Но рассмотреть удалось немного. Навстречу им не высыпала толпа – наоборот, при их приближении закрывались калитки, а человеческие фигурки исчезали во дворах.

– Рыбой, наверное, – предположил бывший шофер Семен, который вел их машину так же уверенно, как когда-то свою фуру.

– Очумел? Этот ручеек промерзал почти до дна. В нем и сейчас разве что на закуску хватит, – он говорил про протекавшую рядом речку.

– Ну, тогда хабар с города, – предположил Презик.

Позывной был сокращением от слова «президент», а уменьшительный суффикс отражал его габариты. Когда-то на заре девяностых он успел побывать президентом какого-то АО «Рога и копыта», но потом разорился и над нижней границей среднего класса больше не поднимался.

– Ближайший мало-мальски крупный в тридцати километрах, – веско возразил Петрович. – Тут даже нормального леса нет. Чуешь, к чему я клоню?

– Людоедством перебивались?.. – полусшепотом спросил водитель.

– Ага.

– Спалить бы это гнездо, – пробормотал Презик. – Жаль, нельзя. Друзья вроде как.

– Да тут тогда каждую вторую деревню придется жечь. Все помаленьку баловались зимой. Данилов наконец-то заметил обращенные на него взгляды.

– А чего это вы на меня так смотрите? – напрягся он. – Вы, блин, на что намекаете?

– Не обращай внимания, Санек. Это мы так, о своем, – развел руками бывший рабочий.

Александрю все стало ясно. Им скучно, вот и провоцируют его. Не со зла, просто из спортивного интереса.

Данилов не был силен в такой пикировке. Одно дело жонглировать датами и цитатами, подавлять оппонента артиллерией логических аргументов, и совсем другое – перебрасываться грубыми остротами.

– Да вы че, ребят, я не обижаюсь, – он обвел их открытым и дружелюбным взглядом, – Если вам интересно, я не ел. Но видел людей, которые ели. Паре даже снес башку.

Это была самая длинная фраза, произнесенная им за последнее время, и она произвела впечатление. А может, тон, которым была сказана. На этом разговор прекратился, и каждый занялся своими делами.

Вскоре Александрю пришла очередь идти на наблюдательный пункт. Даже днем, находясь в условно дружественном месте, они выставляли часового, а ночью и вовсе будут стоять двое.

Данилов замечал, что ему как молодому обязанностей достается чуть больше, но не видел в этих проявлениях «дедовщины» несправедливости. В конце концов, он был моложе и по возрасту, и по опыту, и по стажу в отряде. Да и ничего унижительного ему не поручали. Идти на наблюдательный пункт сейчас всяко лучше, чем под утро.

Над пожарной частью возвышалась платформа с облупившимся красным резервуаром, на низкое ограждение которой не стоило облакачиваться.

Данилов легко забросил свой вес по приставной железной лестнице наверх и оказался в двадцати метрах над землей. Там не было ничего, кроме коврика, рации и бинокля, которые ему уступил сменяемый им незнакомый боец. У этого места был еще один плюс: отсюда можно было хорошо рассмотреть поселок.

Первое время после их появления большинство селян сидело по домам – все переговоры шли через старосту и двух его помощников, которых, впрочем, во временный лагерь не провели. Наверняка именно с ними командир обсудил приобретение машин и топлива. Но к тому времени, как три полных автоцистерны перешли к новым хозяевам и въехали через железные ворота части, жители уже успокоились и вернулись к своим повседневным делам.

Данилов досыта насмотрелся на степные травы, облупленные крыши и уходящую вдаль ленту дороги, поэтому с радостью направил бинокль на заселенные дома.

Худая женщина с преждевременно постаревшим усталым лицом, в заношенной куртке стирала белье в ручье. Мужик поднимал воду из колодца. Дед в бликовавших на солнце очках колот дрова на большой колоде. Данилов подумал, не впитала ли та за зиму крови, как хороший жертвенный алтарь? Хотя, может, зря они на селян наговорили. Можно было пережить зиму и без людоедства. Саша по своему опыту знал, что наесться можно и парой сухарей. Когда поменьше думаешь о том, что нужно телу, легче преодолевать его потребности.

В ближайшем к лагерю дворе за невысоким забором стучали топоры. Там велись какие-то плотницкие работы. Присмотревшись и покрутив ручку фокусировки, Данилов понял, что мужики сколачивают гроб из свежих сосновых досок, и лишний раз подумал, как же ему хочется быть кремированным. Почему-то он все чаще думал о смерти, хотя еще недавно, когда она была куда ближе, стояла рядом, мысли эти в голову вообще не приходили.

Среди ржавых машин на дороге расположилась стайка грязных рахитичных ребятишек. Наверно, они думали, что оттуда могут наблюдать за пришельцами, сами оставаясь незамеченными.

Данилов вспомнил, что когда колонна проезжала через село, те глазели на машины не с детским любопытством, а с настороженностью дикарей, готовых бежать при первом признаке опасности и в то же время надеющихся на добычу. Александр подумал, что в этом и была главная причина, чтобы выставлять часовых. А то можно недосчитаться не только мешка продуктов, но и цинка с патронами.

«Ё-мое, что будет, когда эти волчата подрастут», – подумал он.

Через пару минут к укрытию, где скрывались дети, подошел один из грободелов. Это было смело с его стороны, ведь на Сашином месте мог быть и более нервный, и более меткий. Черт его знает, как тому удалось разглядеть этих бесенят, но его окрика оказалось достаточно, чтобы малышня и подростки как тараканы брызнули в сторону дворов. После этого к месту стоянки никто не подходил, хотя Александру казалось, что за ними продолжают скрытно наблюдать.

«Живем всего в одном дне пути, – подумал Данилов. – А мы для них все равно, что фашисты. Наверно, уже засело глубоко в подкорке».

Тут он понял, что не совсем омертвел душой. Ему было жалко не только этих детишек, но и всю растерзанную страну. Соберется ли она когда-нибудь? Или это так же невозможно, как склеить разбитую вдребезги вазу?

Дежурство прошло до безобразия буднично. Данилов пару раз представлял себе, что сейчас из-за холма выскочит банда мародеров-пикаперов. В смысле, тех, что ездят на пикапах «Тойота» с пулеметами – Саша видел такие в репортаже про гражданскую войну в Сомали. А то и вовсе поваляют агрессивные марсианские буказоиды, которые на самом деле подстроили всю ядерную катавасию, чтобы захватить эту замечательную планету под свои нужды.

Наверно, воображение было его даром и проклятьем одновременно. Но он хорошо понимал, что приключения – они только в книжках хороши. В жизни хорошая операция – та, которую потом не вспомнишь. Это верно и для хирургических, и для валютных, и для боевых. Не один десяток именно таких книжек был загружен в Сашин планшет с сервера Подгорного, где хранилась уйма информации как полезной, так и бесполезной. В дороге книги позволяли скоротать время, хотя во время дежурства он себе этого позволить не мог.

В этот момент его окликнули с земли.

– Что, Данила, скучаешь? – сурвайвер Дэн, которого на самом деле звали Денис, стоял внизу у подножья импровизированной вышки.

– Уснуть можно. Все спокойно.

– Давай, не теряй бдительности. Десять минут тебе осталось. Потом, если хочешь, можешь сходить к аборигенам. Заодно нам расскажешь, что увидел...

Когда Данилов покидал лагерь, остальные смотрели ему вслед, но без зависти. Видимо, командир колонны Колесников решил, что делать послабление нет смысла – свободных женщин, готовых к браку на одну ночь, тут все равно явно не было, а больше ничего нищая деревня предложить путникам не могла.

Уже через пять минут Александр шел по улице, которая пересекала весь поселок. Тот, в общем-то, был самым обычным и внешне мало отличался от довоенного. Но при ближайшем рассмотрении отличия бросались в глаза. Больше облезлой краски, ржавого железа, трухлявого дерева. Как будто даже если у людей были и силы, и материалы, то не было желания. Еще не было привычного запаха скотины – ни сладковатого аромата перепрелого коровьего навоза, ни резкой, похожей на дух человеческого нужника вони свиней. Ни одна собака не залаяла на чужака. Во дворах не было слышно ни квохтанья, ни бляенья, ни мычания. Похоже, живность за зиму повывелась.

Его собственное «Весло» – автомат АК-47 с нескладывающимся деревянным прикладом – висело на плече как неудобный зонтик, то и дело колотя по боку и по локтю. Но если бы действительно понадобилось защищаться, он больше бы полагался на ПМ в набедренной кобуре.

Маленькая компактная камера – в чехле на поясе. Если надо, он будет и репортером, и оператором в одном лице. Здоровенную бандуру, которую вручил ему профессиональный журналист Михневич, Саша, как и обещал себе, спрятал в укромном месте еще час назад. Скорее всего, они еще будут в этих краях на обратном пути – а нет, значит, пес с ней.

Первым, кто его заметил, был мужчина с красной плешью во всю голову, один из тех двоих, что заканчивали мастерить скорбный ящик для человеческих останков.

Пахло от них квашеной капустой и застарелым потом. – Здравствуйте, – помахал Саша рукой. – Мои соболезнования.

– Привет, – неприветливо буркнули ему.

– Могу поинтересоваться, отчего покойный?..

Все его лингвистические знания куда-то пропали. Он заметил, что гроб маловат. Или невысокая женщина, или подросток, почти ребенок.

– Рак, – ответил второй мужик.

Его трехпалая рука, похожая на клешню, неловко обхватывала рукоятку рубанка. Остальные пальцы заканчивались грубыми культиями с почерневшими краями. И все до одного пальцы – и здоровые, и изувеченные – были со вздутыми суставами, скрученные артритом, хотя на вид человеку было не больше сорока.

Взгляд его говорил: «Шел бы ты своей дорогой, странник. И без тебя хватает проблем. Уж спасибо на том, что не вымогаете и не грабите».

– Понятно. Что с рукой? Обморозили? – попытался Данилов все-таки завязать разговор.

– Нет. Пила соскочила.

Пока Саша стоял на дорожке, из-за других заборов на него смотрели хмурые, с ввалившимися лицами, с глубоко запавшими глазами люди. Во взглядах, которые успевал перехватить Александр, сквозила даже не неприязнь, а равнодушное недоверие.

На исхудавших детей, тонких, как тростинки, в заношенной одежде, смотреть было еще больнее. «Что есть человек? – не к месту вспомнил Александр. – Мыслящий тростник».

Можно найти новую одежду, но какой смысл? Им же не ходить по дискотекам... Жили они даже похуже, чем их сверстники в Великую Отечественную. Какой у них досуг? Лазят по полям, ищут несобранную картошку. Там, где были плодопитомники или брошенные сады-огороды, за лето что-то могло прорасти, перезимовав под снегом. Такие же одичавшие, как люди, растения. Чтобы прокормить целое поселение, этого мало, но даже эти крохи явно собирают. А еще есть грибы, черемша, мелкая живность. Та же крыса с гнилой картошкой. Те, кто

постарше, могут и «сталкерить». Смелости и смекалки хватит, чтоб на мотоцикле, на велосипеде или просто пешком добраться даже до Новосиба. Который вообще им должен казаться краем мира.

– Закурить не найдется? – вывел его из размышлений голос «интервьюируемого» с болезненной лысиной.

– Не курю.

– Это зря, – хмуро покачал головой мужик. – И прожить дольше не поможет.

– Похоже, вам здесь хреново живется.

– А вам до этого есть дело, да?

Данилову было нечего ответить. Его и так словно ушатом холодной воды облили.

– Ну ладно, – произнес он. – Будьте здоровы.

И под направленными в спину взглядами селян пошел обратно к своим. Только позже до него дошло, что пожелание здоровья прозвучало как жестокий сарказм. Еще бы сказал: «Успехов».

«Не вышло из меня журналиста, – подумал он, – так же, как и учителя».

Да и сама идея с хрониками была верхом кретинизма. Что это даст Подгорному, где свое горе можно есть полной ложкой?

Еще пятнадцать минут Александр потратил на то, чтобы сделать общие виды поселка издалека. Работающие люди – ну кто подумает, что они там мастерят домовину? Дети – те из них, что почище и выглядит понормальнее. Что там еще? Елочки, заборчики, грядки. А остальные кадры стер.

Можно было, конечно, поговорить со старостой, головой, ханом... или как там они называют этого мужика в круглой шапке. Но смысла в этом было не больше, чем в попытках влезть без мыла в чужую жизнь, полную проблем, суть которых они в Подгорном и так знали. И ничем не могли помочь.

Сгущалась темнота, слоистое закатное небо медленно меняло цвет от пунцового до темно-синего. В некоторых домах зажигались огоньки, явно свечки. Ложились спать тут рано. Где-то там, над сельским кладбищем, отделенным от крайнего дома в ряду только неширокой дорогой, надсадно закаркала ворона. Жизнь налаживается, раз люди ее не съели...

Человек, делавший гроб, еще какое-то время смотрел Александру вслед. Он не соврал, хотя и не сказал всей правды. В прошлом сентябре, когда через деревню проходила даже не банда, а просто кучка озверевших беженцев, он чуть замешкался с ответом, где спрятал мешок картошки. И пила-ножовка действительно пошла в ход. В ту зиму у него умерла дочка. Сын пережил ее всего на три месяца. Все остальные погибли еще 23-го. Может, поэтому никакие грабители и мародеры ему были больше не страшны. И если бы на месте этого парня с камерой оказался другой, который начал бы требовать и угрожать, то легко мог бы получить топором между своих моргалок – человеку, делавшему гроб, было нечего терять, как и его соседям.

Глава 2. Разговор на привале

Костер в железной бочке почти прогорел. Все нормальные люди, утомленные дорожными тяготами, давно уже спали, но в одном из помещений на первом этаже по-прежнему было слышно тихое бурчание разговора.

Данилову не спалось. Он прислушался – на другом конце коридора что-то обсуждали вполголоса. Как ни странно, вовсе не «что вы делали до 23-го августа?». Говорили опять о национальном вопросе. Судя по тому, что и «интеллигенция» из стройотряда, и простые мужики-разведчики были этим озабочены, вопрос оставался болезненным. А до войны он был таким же острым и для Москвы, и для Осло, и для Парижа, и для Лондона.

– Да Кавказ уже был потерян. Надо было отделить этих гордых джигитов, чтоб не дать этой заразе расползтись дальше, – с жаром говорил Презик. – Поставить забор повыше, а всех кто успел к нам понаехать – тех выловить и чемодан в зубы. Пусть там у себя лезгинку танцуют.

– Ага, и отдать плодородные земли с прекрасным климатом. Где нет, как у нас в Сибири, зимы по полгода. Многие из которых были изначально русскими землями. Станица Грозная. И вдобавок получить под боком гигантское ваххабитское Сомали. Никакие границы не спасли бы, – это был спокойный голос Петровича. – Да ну вас на фиг. Кавказская проблема для России была решаема без отделения и без геноцида. В СССР все нормально работало, не хватило лет двадцати для нормальной этой... ассимиляции. А вообще, вы б еще про монгольское иго начали. Нет уже той страны, а вы все вчерашний день обсуждаете.

– Сегодняшний, – возразил незнакомый молодой голос. – У нас в городе ничего похожего разве нет?

– Это явно не проблема номер один. Как будто русских ублюдков не бывает.

– Бывают, – согласился Президент. – Сам видел. Но не заговаривайте зубы, мы про Диаспору говорим. Ты был у них в районе?

– Не был.

– А я был. Базар, одно слово. Какие-то безделушки в инструментальном цехе точат, одежду-обувь чинят. Кто на подсобных работах, кто в снабжении. Приторговывают, в том числе продуктами. А у нас в отряде много оттуда?

– Человека три, – после паузы ответил Петрович.

– Вот-вот. Это менталитет. Это не переделаешь.

– Но ведь в свое время переделали. И теперь придется. А одежду-обувь тоже чинить надо, если ты не забыл. Новой-то скоро взять негде будет.

– Мой знакомый скинхед говорил, что кости первых европеоидов нашли на Кавказе, – с усмешкой произнес Дэн. – Мол, именно там люди сделали первую стоянку после выхода из Африки. Поэтому они вроде ближе всего к неграм. Хотя я бы не стал ручаться...

– Да не трогайте вы негров, – произнес Петрович. – Они вам что сделали? Вообще, пишут, что у всех рас есть черта, доставшаяся от предков. У черных – челюсти. У желтых разрез глаз. А у белых повышенная волосатость. Вон как у меня.

Смешки. Наверно, он показал на свою голову.

Данилов не собирался присоединиться к беседе. Он просто хотел сходить в туалет, а для этого надо было выйти на улицу. По-французски – *sortir*.

Когда он возвращался и проходил по коридору, его заметили. – Давай, Данила, присоединяйся, – малорослый Презик сделал приглашающий жест. – Животрепещущий вопрос обсуждаем.

В маленькой каптерке на лавках и стульях вокруг голого стола сидели четверо. Хотя ни стаканов, ни фляжек нигде не было, Сашин нос уловил запах паров спирта. Понятно, чем они тут занимались. Ну, дело их, он отнюдь не ханжа. Если кто-то и был пьян, то не сильно, а нервное напряжение как-то надо стравливать.

– Признавайся, Санек, – посмотрел на него доверительным взглядом Дэн. – С «черными» когда-нибудь проблемы были?

– Нет. Русские гопники дубасили пару раз, а эти нет.

Данилов присел на краешек лавки.

– Так именно поэтому ты жив, чудак-человек, – вступил в разговор Гена Касаткин, нагловатый парень с замашками участника КВН, который, похоже, принял на грудь больше других. – Наши, они тебя по-братски колотили. А те бы сразу секир-башка сделали.

– Да они могли не только забрать мобилу у какого-нибудь ботаника, – Дэн, как и его сосед по лавке был здорово распален спором. – Могли поиграться с любой девушкой, а потом ей камнем голову пробить. Объяснили бы, что нарушила их национально-культурные традиции и

казнена по заветам пророка. В худшем случае их подержали бы год-два в психушке. И то вряд ли. Скорее сказали бы: «Ай-ай-ай. Нехорошо!» и отпустили бы к назад. В горы.

– У нас было на всю роту четыре чечена, так они знаете, чё вытворяли? – продолжал Касаткин. – С ними даже офицеры боялись связываться. Потом из их республики даже призывать перестали. За особый вклад.

– Так что, вы им все носки стирали? – с ехидцей в голосе переспросил Дэн.

– Да ну, лично я не стирал, – возразил молодой. – Они же тоже не дураки, на тех, кто мог ответить, не лезли.

– Так почему не вступались за тех, кто не мог? – Снисходительная усмешка на лице сурвайвера стала презрительной.

– Лохов, что ли, защищать? – Касаткин удивленно уставился на него. – Я им в няньки не нанимался. Кто позволяет себя дрючить, того надо дрючить. Закон природы.

– Шакалов это закон, а не природы, – мрачно ответил Дэн. – Вот в нашем подъезде жили азеры. Небогатые. Растили что-то вроде баклажанов. Сами растили, не перекупали. Старый мужик был, лет шестидесяти. Фарид, по-моему, его звали. Было у него пятеро сыновей. Так они сначала старшему машину покупали – вскладчину. Не только он, но и все дядья, и другие родичи деньги давали, причем не в долг. Потом следующему. И так до самого младшего. Машины, кстати, одинаковые. Потом этот Фарид отправился к Аллаху, к тому времени у его брата подросли сыновья. Так вот теперь уже эти пятеро давали деньги, откладывали от заработка, чтоб каждому из тех двоюродных «Ладу-приору» купить. И дядья давали, и весь кагал. Потому что так заведено.

– Кагал это у евреев, – возразил Петрович.

– Какая разница? Я же про взаимовыручку. Сам погибай, а товарища выручай. А у нас... Готовы были только подножку подставить, лучший кусок вырвать... Если они – волки, то мы были стадо свиней. Так что дело не в том, что есть плохие «чурки» и чистые, как снег, русские. Дерьма хватало везде. Просто у нас, если ты дерьмо, выплывать будешь сам. А у них за тебя будет стоять клан. И для них будет на первом месте, что ты свой, даже если мразь. А чужак, каким бы хорошим парнем ни был, будет прежде всего чужак.

Александр слушал его внимательно и кивал. Ему хотелось вставить реплику, но что он мог сказать им, чтоб не наскучить своим нудным менторским тоном?

Может то, что, с точки зрения науки этносоциологии, дело не в нациях и даже не в людях, а в системе их взаимодействий. И даже не в том, что соприкасались народы с совершенно разным укладом и уровнем развития, а в том, что скорость их перемещения и перемешивания стала такой, что закат Римской империи, затянувшийся на века, в современном мире занял бы не больше десяти лет. Кто-то мог бы пожелать новому Вавилону поскорее пасть под ударами варваров. Но тогда вместе с городом грехов исчезло бы многое из того, что составляет фундамент цивилизации. В каком бы положении ни был Запад в начале XXI века, наука, техника и большая часть культуры создана именно там, а не в афганском кишлаке.

Это, конечно не значит, что кишлак надо бомбить. Но площадка для строительства общечеловеческой культуры должна быть ближе к Европе, чем к теократиям и охлократиям третьего мира, хотя фундамент и надо было расчистить от либерального хлама, подумал Данилов.

В чужой монастырь со своим уставом не ходят, и это должны были понимать приезжие, а не требовать, чтоб рождество называли в телеобращениях просто «праздником». Но Запад сам был виноват. Тому, кто всем улыбается и перед всеми расшаркивается, обычно плюют в лицо.

Может, когда-нибудь понятия «страна» и «национальность» стерлись бы из памяти, и все народы мира зажили бы единой человеческой семьей. Но эта семья явно не была бы «шведской». Александр давно чувствовал, что мультикультурализм ложен и что национальное своеобразие должно иметь свои границы. Они проходят там, где заканчивался фольклор, народные пляски, песни и кулинария и начинается вторжение в общественную жизнь принимающей

страны. То есть шариаты, адаты и черные платки для тех, кто не хотел их носить. И не упоминайте, пожалуйста, Пятачка, это оскорбляет наши религиозные чувства.

Еще Данилов чувствовал, что здоровый консерватизм и здоровая ксенофобия – это совсем не оксюмороны и что диалектика межнациональных отношений состоит в том, что сильный интернационализм покоится на укоренившемся национализме. Не в гитлеровском понимании слова, а в изначальном, возникшем в эпоху абсолютизма, когда в Европе сложились национальные государства, а большие нации вобрали в себя малые.

Где же искать корни новой традиции? Ясно, что не в иррациональном, не в религии и не в мистике, и даже не в историческом прошлом, которое уже для их детей будет доисторическим, допотопным. Основой традиции должны стать вещи прагматические. Но прагматизм и эгоизм в новом мире, в отличие от старого, лежат на разных полюсах. То есть все та же община.

Но вместо этого Александр сказал куда короче. – Согласен. Так и живет традиционное общество, – кивнул парень. – А мы, выходит, были нетрадиционным. А теперь должны вернуться к истокам, взяв оттуда все лучшее, что поможет нам выжить.

По взглядам Данилов понял, что, несмотря на свой показной цинизм, все с ним согласны.

– Ой-ой. Я щас расплачусь, – с показной фрондой хмыкнул Презик, сбросив пепел сигареты на пол. – Только вот лезть лобызаться не надо. Братья тоже мне нашлись. А если я не хочу последнюю рубашку непонятно кому отдать?

– Тогда ты сдохнешь, – резко ответил Дэн.

– А чем это вы тут занимаетесь, братцы-кролики? – вдруг прозвучал незнакомый голос.

Или все-таки подозрительно знакомый? Тишина в комнате стала пронзительной, и все медленно повернули голову в сторону дверного проема. Стоявшая там фигура принадлежала тому, кого они меньше всего ожидали здесь увидеть. – Сергей Борисович...

На нем был дождевик поверх поношенного камуфляжа, от него резко пахло бензином, а еще сигаретным дымом. Он выглядел бодрым, но мешки под глазами выдавали, что он мало спал и много времени провел в дороге.

– Нет, адмирал Иван Федорович Крузенштерн, – неожиданно мягко произнес он. – Задрали вы уже своей политикой, господи. Дня им мало. Завтра в пять утра подъем, а они треплются. Распустил вас Олег. Ну, ничего. Он поедет в город, а я поведу вас. На первый раз прощай, но молитесь, чтоб это не повторилось.

С этими словами он вышел в коридор, так же тихо закрыв за собой дверь, как открыл ее минуту назад. Они слышали его шаги в коридоре.

– Вот дела... – только и выдавил из себя Презик, когда в коридоре стихли шаги Демьянова. – Это еще по какому поводу?

Все понимали, что это напрямую связано с целями экспедиции. И если не изменились задачи, то, должно быть, изменились обстоятельства. Раз уж поход должен возглавить сам глава их поселения.

Данилов лег спать, и постепенно разговор сошел на нет, а вскоре и вся стоянка погрузилась в тишину. За окошком ветер гнал с запада странной формы облака.

Александр слышал, как все вокруг захрапело, но к нему сон никак не приходил. Так бывает, только если весь день бездельничал или, наоборот, смертельно устал. Но это не про него – он работал, но не перетруился. Тогда почему, зараза, не хочется спать?

Он лежал, глядя в потолок, и туман, укутывавший прошлое, рассеивался. Из него выплывали лица и целые сюжеты. Он не старался вспомнить, прошлое само пришло к нему в виде потускневших фотографий.

Если слишком долго смотреть на огонь, в воду или на те же облака, можно увидеть много интересного. Например, себя вчерашнего – и не всегда это приятно. Данилов вспомнил, как против воли стал одним из камешков, которые вроде бы должны были запустить лавину.

Это было в конце мая, не по-весеннему жарким днем, в то время, когда ящик Пандоры еще только приоткрывался, а люди не поверили бы, что через полгода из сотни останется в живых один. Нельзя сказать, что именно здесь берет начало путь, который привел Александра сначала к бездонному провалу, а затем в эту утопию барачного типа под названием Подгорный.

Тот момент скорее был поворотным пунктом, развилкой из серии: «Налево пойдешь – коня потеряешь». А он пошел прямо, напролом. Он до сих пор не знал, зачем пришел туда: то ли от мальчишеской глупости, то ли от проснувшегося внезапно мужества, то ли от скуки, то ли от всего вместе.

Естественно, никаких выборов не было, была их грубая имитация. Об этом знали все, и почти каждый говорил, не скрываясь. И как будто бы с этим смирились, поэтому все должно было пройти буднично и рутинно, как в предыдущие разы.

Все началось с того, что один из членов Центральной избирательной комиссии внезапно сделал заявление для иностранной прессы, эффект которого можно было сравнить со взрывом атомной бомбы. После этого он порвал перед камерой свое удостоверение, сообщил о своей отставке и в тот же день исчез. Даже тогда Александр не поверил в его внезапно проснувшуюся честность. Вскоре в сети был опубликован подробный материал по фальсификациям на избирательных участках. В этом не было ничего нового – только последствия отличались от обычных митингов и бесполезных обращений в суд.

В этот раз всплытию фактов мошенничества в течение пяти месяцев предшествовал слив информации о том, что один бородатый философ называл «патриотическая коррупция». Не только с цифрами, фамилиями и фотографиями, но и с вескими подтверждениями вплоть до сканов документов на жилье, автомобили и яхты, договоров на оказание услуг и платежных квитанций. Такое делалось и раньше, но никогда массив фактов не был таким объемным.

Они называли себя «Сопrotивление». Раньше о них никто не слышал, но накануне выборов к ним примкнуло несколько известных фигур. Те из них, кто не были анонимны, были чисты как снег: не имели порочащих связей, не учились в Йельском университете, снискали уважение своей гражданской позицией. Они начали с активности в социальных сетях, куда приходят, чтоб найти и трахнуть свою школьную любовь, поиграть с виртуальным питомцем или похвастаться поездкой в Барселону – но уж точно не за политикой. И все же им удалось раскатать народ. После того, как запылали арабские страны, всколыхнутые волной «демократических интифад», когда новый Майдан снес криминальный режим на Украине – заменив его не менее гнилым, но прозападным, когда то и дело вспыхивали погромы даже в самых спокойных из европейских стран – весь мир был словно наэлектризован.

С самого начала им удалось зацепить целевую аудиторию – молодежь городов-«миллионников». В масштабах страны пятьдесят тысяч человек – это мизер, но раньше и этого не было. Самым главным было не число, а готовность людей не только бузить, но и подставить под удар свою свободу и даже жизнь.

Нельзя сказать, что вся страна замерла в ожидании. Кто-то по-прежнему смотрел сериалы. Но резонанс был. И в какой-то момент Саше почудилось, что еще немного и они победят. Что полиция, охранявшая площадь, начнет переходить на их сторону. Почти так же казалось в октябре 1993 защитникам Белого дома.

В Москве им дали собраться, разбить лагерь перед домом правительства и постоять почти сутки, дали развернуть аппаратуру и вдоволь накричаться. А потом, когда стемнело, полиция расступилась и на площадь с криками «Мочи крыс!», круша палаточный городок и избивая всех, кто в нем находился, хлынули «согласные». Перед этим их видели скапливающимися в переулках, но дальше их следы терялись. Журналисты и следствие потом долго путались, были ли это футбольные фанаты, уголовники или православные хоругвеносцы.

Действовали они по-военному четко, применяли биты, самодельные дубинки и травматическое оружие. Двигались через толпу, выбивая людей одного за другим. Масок не носили.

«Несогласные», в основном студенчество, были похлипче, чем нападавшие, поэтому именно с их стороны было два трупа и много-много раненых. Когда к месту бойни, наконец, лениво приблизились стражи порядка, благонамеренных граждан, движимых патриотическим порывом (как скажет потом в интервью молодой парень с заштрихованным лицом), уже след простынет.

События в остальных городах проходили по схожему сценарию с поправкой на провинциальный масштаб. В некоторых обошлось без «добровольцев» и выступления были по-тихому разогнаны правоохранителями. Но Новосибирск был в числе тех, где боевые группы проявили себя...

Вот так русский «День гнева», который прикормленные Кремлем аналитики называли фразой «socket-puppet revolution»³, закончился ничем. Мусор замели под ковер, недовольным дали по шее. Дом продолжал рушиться, а те, кто за все отвечал, вместо того чтобы делать капитальный ремонт, подкрашивали фасад, потому что сами украли стройматериалы.

Внутри страны по каналам официальных СМИ это почти не обсуждалось. Наверное, был негласный запрет, команда свыше – не клеймить, не поливать грязью, а замалчивать, будто ничего и не было. Интернет сначала побурлил, а потом всем надоело, как надоело в свое время обсуждать Ливию, Сирию и Иран...

Потом Александр узнал из Интернета, как эти события освещались в западных СМИ. Там им отвели куда больше места. И, несмотря на то, что Данилов на себе испытал крепость дубинок лоялистов, ему не понравился тон «Вашингтон Пост», «Таймс», «Шпигеля» и других. «Российская диктатура показала свое истинное лицо». Конечно, это была правда. Но ему не нравились выводы, которые делали комментаторы. Они говорили, что мировое сообщество должно вмешаться. Они даже не допускали мысли, что русские могут справиться сами.

Только много позже Александр понял, к чему был нужен «русский Тяньаньмэнь». Сообразил, что это была моральная подготовка населения «цивилизованного мира» к тому, что скоро это чудовище будут убивать рыцари в сверкающих доспехах.

Так он понял, что стал живым снарядом в артподготовке наступления на его страну. Но они были не тараном, который должен смести власть, а мясом для шашлыка. Молодым, диетическим, без жиринки, но с кровью. А режим поступил именно так, как от него ждали, и это тоже было запланировано.

Данилов много думал о том, правильно ли он сам поступил. Он пришел туда сражаться за правду и готов был за нее погибнуть. Но не подумал, что тот, кто выступает против заведомой мрази, не обязательно сам носит белое. Если бы можно было прожить жизнь сначала, Александр, скорее всего, поступил бы так же. Даже сейчас, когда ему было известно, чем все закончится.

Глядя на сытые холеные морды, он не видел просвета. Это были хищники и чужие. Первые хотели пить у страны кровь, пока она не околеет. Воровать, строить дворцы и отправлять детей учиться за рубеж, разглагольствуя о величии страны.

Вторые – разрубить Россию на куски и развешать мясо на крюках, как говядину на скотобойне. И не ради блага всего человечества, отнюдь. Внешнее управление, рекомендации Международного валютного фонда. Демонтаж государственности и армии. Чтоб не было больше угрозы от не всегда вменяемого исполина с ядерной дубиной. Но как быть с теми, кто к этой дубине отношения никакого не имел?

Хотя, если бы у «чужих» получилось – человечество бы выжило и жило бы дальше. В однополярном мире, но без ядерной войны, а возможно, вскоре и без ядерного оружия.

Моральные дилеммы никогда не бывают простыми. Есть тезис о слезинке ребенка, а есть другой. Пусть свершится правосудие, даже если рухнет небо. Последний он и сам когда-то исповедовал.

³ Socket-puppet revolution (англ.) – революция надеваемой на руку куклы

Но все они были статистами. И те, кто стоял на площади. И те, против кого был направлен их «День гнева», и даже те, кто думали, что заказывают музыку. И кровососы, и мясники.

Интермедия 2. Санация

Первое, что он увидел, когда пришел в себя, было густым, как кисель, туманом. Тот, казалось, выползал из всех щелей и стелился по земле, сильно ограничивая видимость.

Лежа на рыхлом ковре из прелых листьев и валежника, старик пытался разглядеть за дымкой панельные дома Озерска. Но не сумел. Перевел взгляд на небо. Оно было от края до края затянуто бурыми, песчаного цвета тучами, толстыми, как вдоволь насосавшиеся пиявки. Почему-то он был уверен, что такие же бесформенные, будто беременные, тучи висели и над городом атомщиков.

Тут его вниманием снова завладел туман. Дед попытался понять, почему же тот ему так не нравится, и сообразил: на вид туман казался теплым, почти как радиоактивный пар в реакторе.

– Тьфу, зараза, – выругался старик. Все, кто его знал, удивились бы, услышав от него такое мягкое выражение. Но голова после удара гудела, как трансформаторная будка, и он чувствовал, что ни одно матерное слово не обладает нужной выразительностью.

Хорошо же он приложился...

Он попытался восстановить в памяти события сегодняшнего утра. Получилось не сразу, но постепенно картинка в голове сложилась.

Все началось с того, как этим утром он сказал бабке, надевая болотные сапоги:

– Зайца пойду бить.

– Как бы он тебя не побил, – ответила она, подбоченясь.

– Молчи ты, дура, – беззлобно бросил дед, не желая вступать в перепалку. Да, силы уже были не те, ну так и календари исправно отсчитывают месяцы и годы. И никакая ядерная война на это не повлияла.

Но, несмотря на возраст, он легко прошагал те семь километров, которые отделяли их жилой район от объекта. Пока он шел, в пустом желудке противно урчало. Да, он не отказался бы от зайчатины. Зимой, еще в апреле, старик несколько раз видел здесь на снегу цепочки следов, и теперь ходил сюда всегда, когда были силы. Иногда удача ему улыбалась. Дважды удалось подстрелить лисицу и один раз тощего волка. И хотя их мясо тоже было условно съедобным, он предпочел бы что-нибудь другое.

Мелкие хищники и те, кто может питаться чем угодно – это понятно. Но зайцы... Одно время он думал, что ему померещилось. Чем эта животное всю зиму питалась, когда кругом не было ни травинки? Она что, как крот, лапами снег рыла?

Выходит, рыла, заключил дед. Иначе следы не появлялись бы снова по всей территории комбината и вокруг него. Но никогда – рядом с человеческим жильем. Значит, жили и плодились.

Вышел старик рано утром, чтоб не попасться на глаза ребятам Валета. Иначе пришлось бы рассказывать, куда он идет, а потом, если привалит удача, еще и делиться. Но тот еще ничего. О своих заботится, хотя за неподчинение может и шкуру спустить. Гораздо хуже ваххабиты, мать их. Те отберут и добычу, и карабин, а могут и горло перерезать, как курице.

Он мог пройти и через главную проходную, но предпочел выбрать другой путь. Как человек, проработавший на объекте тридцать лет, он знал места, где можно попасть на него, не перелезая через стены с «колючкой».

В час «Ч» он находился в центральной заводской лаборатории и уцелел, как и все те, кто в этот день не имели контакта с атмосферным воздухом и не вышли из герметичных помещений раньше времени. Всего около ста человек. Остальные умерли быстро и без мучений, будто у них внутри повернули рубильник. Город тоже задело краем. Будто кто-то прочертил

окружность радиусом в десять километров с центром аккурат в административных корпусах «Маяка». Все, кто находился за ее пределами, не испытали никаких симптомов.

Продукты из системы общественного питания Комбината и оружие подразделения внутренних войск, которое его охраняло, помогли им продержаться зиму. И все было нормально, пока не пришли бородатые. Похоже, перед самой войной кто-то обучал их, накачивал деньгами и оружием. Иначе они не сумели бы так воспользоваться неразберихой после атомных ударов и превратиться в армию в две тысячи штыков. Но сейчас их, к счастью, осталось намного меньше...

Город быстро ветшал, но корпуса Комбината стояли, словно намертво вбитые в землю. Только сорняки начинали пробиваться здесь и там, прорастая уже через трещины в асфальте. Еще через пять лет прорастут и через бетон.

Он смотрел на безликие бетонные корпуса, на стрелы кранов над недостроенным блоком, где должны были размещаться новые печи остекловывания. Лет за десять они сумели бы перевести все отходы в относительно безопасное состояние. Но именно этих лет им не дали.

Несмотря на скрытую за бетоном и нержавеющей сталью смертью, в этом месте старик чувствовал себя в безопасности. Уж точно в большей, чем там, где встречались любители резать пленникам головы.

Люди сюда ходили редко, а зверям это было и надо. Радиационный фон в этой части комбината был таким же, как в Челябинске, Москве или Санкт-Петербурге. До войны, естественно.

Вот рядом с озером Кызылташ, вокруг «Старого болота» и водоемов для сбора жидких отходов – там появляться не стоило, и кушать дары леса, если все-таки что-нибудь вырастет по берегам, не следовало. Но звери, они не такие уж дураки, и воду из подземных источников там, где это опасно, обычно не пьют.

В оптическом прицеле охотничьего карабина дед разглядел еще одну коробку из железобетонных плит, которая выросла всего пару лет назад. Это было новое хранилище делящихся материалов.

Когда-то подобное планировали построить на Кольском полуострове – так удобнее было бы обслуживать атомные подлодки. Но потом было решено перенести строительство в Восточную Сибирь. Может, ссориться с соседями не захотели. В результате было возведено «сухое» хранилище отработанного ядерного топлива на Горно-химическом комбинате в городе Железногорске, под Красноярском. И к концу 2011 года оно было без особой торжественности введено в эксплуатацию. Еще бы, было это как раз после японского «Чернобыля», да и в стране было полно желающих ухватиться за эту тему и поднять шум. К 2015 году там уже «хранилось» отходов на сто Чернобылей. Но два года назад почему-то оказалось, что и этого недостаточно, и позарез необходимо возвести еще одно хранилище.

Старик не знал, кому и как пришла в голову идея построить на знаменитом «Маяке» рядом с городом Озерском хранилище на порядок крупнее прежнего. Хранилище бассейнового типа. То есть такое, где отходы хранятся в жидком состоянии. Может, главе Росатома, а может, и кому повыше. Этим сразу убивалось несколько зайцев: и инфраструктура с кадрами под рукой, и с логистикой и обеспечением безопасности проблем меньше, чем под Красноярском. Да и визга со стороны экологов было не так много. В прессе это обозвали «модернизацией» уже имеющегося хранилища. А раз так, это было в русле процессов в модернизируемой стране.

То, что было построено, было дешево, на этом его сильные стороны заканчивались. Но поскольку мировая атомная энергетика оправилась после Фукусимского нокаута, складирование отходов должно было принести прибыль. В Европе АЭС закрывались одна за другой, но злобный «Oil Peak» оказался не выдумкой, нефть снова росла в цене, а верующих в ее абиотическое происхождение реальность постепенно заставляла трезветь. Человечеству волей-неволей приходилось обращать свои взоры к капризному атому.

Внезапно старик остановился и напряг зрение. Он увидел ободранную кору на одном из молодых деревьев, посаженных здесь по программе рекультивации земель. И у самых корней отпечатались в мягкой земле следы... но не заячьи.

Сердце забилось чаще, руки сжали карабин. Охотник знал, что упорство всегда бывает вознаграждено. И совсем не удивился, когда всего через десять минут увидел и самого парнокопытного гостя. Ковыряя копытцами землю и брезгливо втягивая ноздрями воздух, возле железных бочек из-под мазута стоял годовалый олененок.

Дед откинул капюшон и вскинул свой «карамультик», как он называл выдавший виды карабин на базе винтовки Мосина с оптикой. Прицелился и нажал на спусковой крючок – приклад почти приятно толкнул в плечо. Он сразу понял, что не промахнулся, просто в последний момент цель дернулась. И вместо того, чтобы повалиться наземь, животное кинулось бежать, пропав из поля зрения. Старик успел заметить кровоточащую рану у него в боку.

Он думал, что тот свалится через пару минут, но подранок оказался очень живучим. Наверно, инстинкт, который заставлял их самих цепляться за жизнь на пепелище, не давал ему остановиться. С такой раной он все равно был нежилец, только мог достаться не человеку, а волкам. Старик это понимал и бежал со всех ног, хотя к голове подступала дурнота. Он уже хотел махнуть рукой, когда заметил на кустах репейника бурые пятна засохшей крови. И в этот момент яркая звездочка прочертила полосу в небе. Следом в барабанные перепонки ударило словно кувалдой, обмотанной войлоком.

Когда он окончательно пришел в себя, над головой было беззвездное ночное небо. Голова болела. Ощупывая ее в поисках повреждений, старик провел грязными пальцами по здоровенной шишке, которая вскочила на затылке, и чуть не взвыл. Спасла шапка, спасибо старой дуре. Сколько же он пролежал без сознания?

Через секунду он забыл обо всем. Глянул на радиометр, и глаза полезли на лоб.

«Приехали».

Дождь был теплым, как вода из душа. Там, где прежде стояло хранилище, была только воронка, в которой непрерывно булькало и клокотало. В небо уходил здоровенный столб пара. В глубине ревел и взрывалось, как в жерле вулкана. Старик представлял, что творится внизу: автоталитическая реакция с саморазогревом и радиолиз.

В прозрачной луже он увидел свое отражение. Лицо было коричневым, будто после недели на пляжах Таиланда. Бывший атомщик понял, что дело труба и, возможно, лучшее, что он может сделать – это приставить дульный срез к подбородку и нажать на спусковой крючок. Но нет. Надо предупредить своих. Дать им хотя бы маленький шанс.

В уме он уже все просчитал. Большая часть радионуклидов осядет вокруг хранилища, то есть там, где он стоит. Жидкую пульпу – взвесь, активность которой все равно составляет миллионы Кюри, взрыв поднял на высоту до двух километров. А дальше это радиоактивное облако, состоящее из жидких и твердых аэрозолей, будет разноситься ветром. Радиоактивные изотопы церия, циркония, тория, бериллия, цезия, стронция... Короче, весь «подвал» таблицы гениального изобретателя водки выпадет в виде радиоактивного следа на территории в десятки, если в не сотни тысяч квадратных километров.

Он шел назад, сначала скоро и уверенно, но потом его начало пошатывать. Когда дед уже почти не стоял на ногах и ничего не видел вокруг, его окликнули.

– Кто идет? – донесся окрик. Одновременно он услышал звук передергиваемого затвора.

Люди Валета. Зарипов-старший, узнал он по голосу, хотя вместо мужика в камуфляже видел только размытое пятно. Сетчатка быстро мутнела.

– Свои, – с трудом прокричал старик.

– А, деда Толя, куда путь держим с утра пораньше? – это был младший из братьев-башкир. Голос его был встревоженным. – А нас главный послал проверить, что за шум.

Дед сообразил, что они еще ничего не поняли, и нервно засмеялся. Что ж, ему придется им объяснить. Ему, инженеру из «почтового ящика» Анатолию Тарасову, пятидесяти восьми лет от роду, пережившему всю свою семью, включая внуков и законную жену. Живому трупу, который пока еще ходит на своих двоих.

– Это утечка. Хранилище разнесло. Само оно так не могло. Думаю, они нас все-таки достали, – язык уже ворочался с трудом, и говорить много не хотелось. – А мы, дурачье, сидели здесь, на пороховой бочке. Говорил я: надо уходить, пока не поздно. А ваш босс – «нет, тут место удобное и ништяков полно...». Теперь надо бежать отсюда, пока все не сдохли.

Он плюнул, надвинул поглубже шапку, связанную бабой – вдовой, которую он пригрел уже после войны, если эту непонятную свистопляску можно назвать войной. И, не обращая внимания на окрики людей Валета, ковыляя, побрел к обреченной деревне.

Его еще не рвало, но он понимал, что за те часы, что лежал без сознания, получил больше зивертов⁴, чем за все годы работы.

Глава 3. Прорыв

Утренние сборы заняли немного времени. Распорядок дня был простым. Сначала умыться из бака ледяной водой, пахнущей ржавчиной, не обращая внимания на плавающих в ней насекомых. Если те шевелят лапками, а вода цветет – это хороший знак. Значит, вода не очень радиоактивная.

Потом, если есть время, поделать упражнения. В этот раз он отжимался и подтягивался на перекладине, которую заметил во дворе пожарной части. Александр находился в неплохой физической форме, но фигура его так и не изменилась. Сначала соседи посмеивались над его «теловычитанием», потом привыкли.

Трудно изображать двужильного, когда единственное, о чем мечтаешь – это еще пара часов сна. Но за неполный год скитаний у него выработалась абсолютная беспощадность к себе, и теперь это здорово помогало. Устал – молчи. Больно – терпи. Боишься – не подавай виду. Стисни зубы и иди дальше.

Данилов как раз подтягивался на одной руке, когда к нему подошел Петрович. Голова бывшего работника системы ВПК сверкала, как бильярдный шар.

– Ну, ты и крут, Санек, – произнес он скептически. – Только что это дает? Бокс вон полезнее. А от этого польза разве что при занятии армрестлингом и рукоблудии.

Александр насупился. Ответить остроумно не хватало воображения, а огрызнуться в ответ было все равно, что тьякнуть по-щенячьи.

– У кого что болит... – парировал он. – Лично я смогу держать в одной руке пулемет, вися над пропастью.

– Ха-ха. Ну, молоток. Тренируйся дальше. Лишь бы кости и сухожилия выдержали. Понятно, почему ты кушаешь так мало. Костям белок без надобности, им только кальций нужен, ха.

И пошел грызть свой сухпай, оставив Сашу в покое.

Закончив упражнения, Данилов достал было планшет, чтобы заняться путевыми заметками, но выжать из себя хоть что-то, кроме пары предложений, не смог. Все равно пока не случилось ничего достойного упоминания.

Деревни и села, обозначенные уходящими в туман нитками разбитого асфальта, оставались позади. За окошком тянулась трасса Новосибирск – Челябинск. Дремотно и монотонно плыла гладкая, как стол, равнина, колыхались под ветром сухие мертвые травы.

⁴ Зиверт (обозначение: Зв, Sv) – единица измерения СИ эффективной и эквивалентной доз ионизирующего излучения. 1 зиверт – это количество энергии, поглощённое килограммом биологической ткани, равное по воздействию поглощенной дозе гамма-излучения в 1 Грей.

Несколько раз ударял ливень, и Данилов слышал, как стучат по железной крыше крупные капли. После прошлого такого дождя они проверили машину дозиметром и охнули. Пришлось искать чистый водоем с проточной водой, и там из шланга смывать с машины радиоактивную грязь точно так же, как они сделали после проезда через областную столицу. Пару раз и ему поручили заняться дезактивацией, и, пожалуй, никто не подошел бы к этой процедуре более ответственно.

Осень уже вступила в свои права, и погода могла вогнать в депрессию любого, кто не прошел ядерную зиму. Ветер носил по серому небу рваные облака. Клонились к земле деревья, с которых ветер срывал последние скукожившиеся листья, похожие на корчащихся в огне человечков. Бывшие посадки вдоль трассы не обладали устойчивостью природного леса, поэтому до сих пор были живы меньше трети этих деревьев. По ночам температура уже опускалась ниже нуля, и почву покрывал иней. Однажды выпал серебристый снег, и почти сутки земля была покрыта белым покрывалом, как чисто убранный постель. Оживляли пейзаж только пятна зеленой травы, которая еще держалась несмотря ни на что.

Данилов чувствовал, что вынужденное безделье утомило этих людей, привыкших к сильным нагрузкам и меняющейся обстановке. Монотонный день разнообразили только редкие остановки и приемы пищи. В остальное время свободные от вахты вели вялые беседы и резались в подкидного дурака. Саша сначала проигрывал, но потом набил руку, и стал играть вровень со всеми.

По самой трассе они двигались от силы шестьдесят процентов времени, проведенного в пути. Часто сворачивали – Данилов замечал это по усиливавшейся тряске, когда асфальт, пусть и в колдобинах, сменялся бездорожьем. Но их машины грязи не боялись, поэтому трасса была скорее ориентиром. Один раз, когда объехать преграду было проблематично, они принялись за расчистку дороги, сталкивая с нее железные гробы, пустые и нет. Для этой цели на один из «Уралов» был навешен бульдозерный отвал.

Один раз расчистка сменилась зачисткой.

Они как раз проезжали участок дороги, с одной стороны которого был довольно крутой склон, когда Данилов услышал, как разворачивается на крыше машины турель. Затем, еще до того, как он успел осмыслить резко прозвучавшую в кунге команду Дэна, его оглушил стальной грохот. Он заметил, как в зарослях на холме в сотне метров от дороги образовалась неровная просека, над которой в воздухе кружились сорванные листья.

Дальнейшего Александр уже не видел, потому что захлопнул бронированную створку за пару секунд до того, как по ней цвиркнула пуля.

Он ожидал, когда на их машину придет приказ выгрузиться с оружием и занять круговую оборону, но вместо этого «капут» начал набирать скорость. Где-то под полом нагужно заревел мотор, и Данилов свалился бы с лавки, если бы не взялся за поручень, который был приварен не просто так. Машина в этот момент разгонялась, делая сто тридцать, а может и сто сорок километров в час, чего Саша от этого бронированного монстра не ждал.

Пулемет калибра 12,7 мм дал еще пару длинных очередей, как и его меньший собрат с идущего следом за ними джипа.

– Молокососы, – проговорил Дэн, делая знак остальным не подниматься во весь рост. – Строчат на предельной дальности. Ближе подойти, видать, коленки дрожат.

В этот момент то ли в подтверждение, то ли в опровержение его слов вдалеке прозвучало еще несколько очередей, и пули дробно застучали по броне. Машину тряхнуло, и Данилов предположил, что было пробито колесо. Но если легковушка закрутилась бы на дороге, то многоколесный «Урал» только потерял в скорости и управляемости.

В ответ огонь с автомобилем колонны стал еще интенсивнее, и больше на той стороне стрелять не осмеливались.

Не прекращая стрелять, «капут» проехал еще полкилометра. И здесь наконец они спешили.

Крепко сжимая приклад «весла», Данилов заметил, что холм теперь прикрывает их от того места, где засели атакующие. С других сторон было чистое поле. Остальных машин колонны видно не было – только джип и два бензовоза. Как понял Александр, это означало, что они разделились и задача их «капута» – прикрыть и вывести в безопасное место наливники. Хорошо еще, что в них не попали.

Где-то позади на шоссе раздавались редкие выстрелы – одиночные хлопки и перестук очередей. Пулеметы больше не подключались, а через десять минут стрельба стихла.

Судя по тому, что держащий рацию командир отделения был спокоен, Данилов догадался, что там управились с врагами без них и на сегодня их коллективу не достанется отрезанных ушей на память.

А через десять минут показались и свои. С машин махали руками и довольно ухмылялись бойцы, отпуская ехидные шутки про отсидевшихся в тылу камрадов.

Оказалось, что банда была мала. Всего двенадцать человек в самодельных маскахалатах, из которых пятеро погибли от огня пулеметов, а двое были ранены так, что не смогли бы далеко уйти. Остальные, впрочем, их не бросили, а попытались транспортировать, что делало им честь. А может, просто не подумали, что их будут преследовать, пока не прикончат.

Почему напали? Нужда заставила. Надеялись захватить продукты и во вторую очередь топливо. Одно «языка» удалось взять живым, но ничего полезного, как понял Саша, от него не узнали. Просто крохотная шайка, наполеоновских планов не строившая, а наоборот, еле сводившая концы с концами. Захваченные у нее трофеи были смешны и не могли покрыть издержек в виде потраченных патронов, если бы целью был грабеж, а не самозащита. Да и запасных колес у них тоже был не вагон.

Через час тело пленника, которого допрашивали у Саши на глазах, бойцы Подгорного выкинули из машины на полном ходу, отпуская шуточку про безбилетный проезд. За бортом Данилов успел заметить каменистый склон явно антропогенного происхождения.

– Успехов в карьере! – скаламбурил Презик и пояснил: – Тут гравий раньше добывали.

Данилов не мог его осуждать. Жестокость была своего рода клапаном, через который они избавлялись от напряжения, на которое человеческий организм не рассчитан. Вернее, может когда-то и был рассчитан, когда нормально было среднестатистическому человеку выйти одному с дубиной против пещерного медведя или саблезубого тигра. А они измельчали. И им еще долго придется приспосабливаться.

Стоит ли говорить, что больше с открытыми окнами они не ехали. Кроме видов деревни Данилов не снял ни одного стоящего кадра, за исключением панорамы Оби из окна идущей машины в самом начале и какой-то промзоны на привале.

– За каким лысым вообще надо было брать камеру? – ворчал он, чувствуя, что с этого момента его работу как хроникера и корреспондента можно считать завершенной.

* * *

15 сентября они достигли наконец Урала.

Выйдя утром из строительной бытовки, где когда-то обитали дорожные рабочие, Данилов увидел силуэты гор, разделяющих Европу и Азию, там вдалеке, где темная твердь сливалась с таким же темным небом. Впрочем, «гор» – это громко сказано. Цепь невысоких пологих холмов на горизонте не поражала воображения. У них в Кузбассе хватало гор и повыше. Эти внушали благоговение разве что своим возрастом.

Окончательно они сложились в Девоне, а начали формироваться, когда животная жизнь только выбиралась на сушу и шлепала по ней на неуклюжих плавниках. Когда-то они были

гораздо выше, чем теперь, хотя и не как Гималаи. А теперь их склоны искрошились, эрозия делала свое дело... Но все же они стояли тут, когда людей еще не было в проекте, а гораздо позже видели и гуннов, и татаро – монголов, и праславян, если те действительно произошли из этих степей, и Ермака Тимофеевича, и заводчиков Демидовых, и ссыльных всех мастей и режимов. Теперь эти горы подпирали небо своими вершинами, глядя на горстку людей, как на нашкодивших школьников. – Вот уж не думал, что снова побываю в Европе, – произнес Саша, ни к кому не обращаясь.

Где-то должен быть железнодорожный тоннель, по которому он в детстве проезжал на поезде.

– Подожди, это еще Азия, – ответил выходящий из бытовки следом Петрович, вытирая лицо мокрым полотенцем. – Вот до Ёбурга доберемся, тогда можешь делать снимки на память.

Но Данилов прекрасно понимал, что ни в сам Екатеринбург, ни через него их путь лежать не может.

Колонна шла к своей цели неуклонно, как баллистическая ракета. Но регулярно – когда два, а когда и три раза в день от нее отделялись небольшие мобильные группы на мотоциклах и УАЗах.

Возвращались участники этих рейдов усталые, как собаки, и без какой бы то ни было добычи. К каким объектам рассылали эти разведгруппы, Саша так и не узнал, а в них его никто приглашать не собирался.

Уже садясь в машины, они заметили в небе небольшую стаю птиц, держащую путь на юг.

– Что это за пичуги, Данила? – спросил небритый Презик. – А хрен их знает. Я не энтомолог, – ответил Саша ему в тон. – Тьфу... не орнитофер.

Ему уже надоело отношение к себе как к бездушной ходячей энциклопедии.

Через пару часов они встретили других «перелетных птиц». Им впервые попались беженцы, остановившиеся в бывшем автовокзале какого-то села. Не вооруженная группа, а люди с пожитками, женщинами и детьми.

Колонна остановилась напротив здания, где на небольшом пятачке разместились остановка, заправка и забегаловка, и Дэн как старший по машине вышел перекинуться парой слов с местными. Те сидели тихо, понимая, что им нечего противопоставить такой силе и новопривывшие вольны забрать их нехитрые вещи, а с самими сделать все, что душе угодно.

Не было его минут пять.

– Куда они едут? – накинулись с расспросами, когда он вернулся.

– Черт их поймет, – ответил он. – На восток. Говорят, там впереди все мрут. Какое-то облако. А у нас в Сибири будто санаторий? Им нужны продукты. Готовы платить чем угодно, хоть в рабство пойти. Но у нас лишних нет. Вечером Борисыч расскажет больше. Он с их главными как раз сейчас разговаривает.

Но Борисыч не рассказал... После этой встречи беженцы им попадались не раз и не два: и небольшие группки, и вытянувшийся по дороге караван.

«Это что за переселение народов?... Доедут ли? – подумал Саша. – Или сгинут?»

И чем дальше на запад, тем больше их было, и тем мрачнее и мрачнее становились у них лица. А на следующее утро, хотя никакого дождя не было, только влажная морось, дозиметр, который был в их машине, начал показывать фокусы. Уровень радиации, постоянно снижавшийся с того момента, как они покинули пойму Оби, начал быстро карабкаться вверх. После этого пришел приказ ввести дополнительные меры радиационной защиты из восьми пунктов.

«Хотел бы я знать, куда мы едем», – думал Данилов, в конце дня внося в журнал новые показатели в рентгенах в час, на десять процентов больше вчерашних.

Глава 4. Коммуна

17 сентября в два часа ночи они добрались до места встречи.

За час до этого Данилов проснулся, хотя никто их не поднимал, свет в брюхе «Капута» еще не горел, а остальные в основном храпели.

За время, проведенное в дороге, Сашин организм приспособился, так что он просыпался не тогда, когда машина скакала по ухабам, а когда замедляла ход. А раз так, значит, они свернули с шоссе на дорогу худшего качества.

Он натянул куртку и ботинки и тихо пристроился на лавке со своим планшетом, вставив в уши наушники. Слушая размеренно-тягучие аккорды музыкальной темы дороги из фильма «Хоббит», он начал писать. К тому моменту, когда зажгли свет и народ начал подниматься, Данилов успел набросать полстраницы, обобщая свои впечатления от последних дней. Как положено военной хронике и мемуаристике – по-хемингуевски скупым языком. «Из 120 поселений, встреченных по дороге, обитаемы не более десяти. Ни в одном нет больше 500 жителей. По косвенным признакам урожайность низкая, преобладает монокультура (картофель), животноводство не сохранилось. Высокая смертность от онкологических заболеваний, низкая продолжительность жизни. Значительный ущерб нанесен флоре. Фауна практически отсутствует...». Закончив, перечитал и оценил критически: найди его записи археологи будущего – если в будущем будет до археологии – они, скорее, будут составлять картину событий не по ним, а по художественным книгам о вымышленном конце света. Мотор еще работал, но «Капут» стоял неподвижно, а снаружи уже звучали команды, слышен был топот людей и лязг открываемых дверей. Нервозности не было, только обычная рутинная суета.

Спрыгивая последним на мягкую землю и принимая на плечи тяжесть рюкзака, Данилов подумал, что где-то там Сергей Борисович уже встречается с хозяевами этого места – теми, ради кого затевался весь сыр-бор. Но поприсутствовать при историческом моменте было нельзя, «Капут» находился далековато от головной части колонны.

Сам броневик между тем тронулся с места, оставив их одних.

Зажглись фонари. Когда глаза привыкли к относительной темноте и начали выхватывать из нее очертания отдаленных предметов, Саша понял, что никакой колонны уже не было. На пустыре у шоссе не осталось ни одной машины.

* * *

Демьянов выбрался из штабной машины и в сопровождении двух командиров звеньев проследовал к горящим впереди на дороге огням. Хозяева были пунктуальны, но и гости не подвели – прибыли точно в назначенное в последний сеанс связи время и ждать не заставили.

Даже сейчас он не терял бдительности. Их делегацию прикрывали и снайперы, и пулеметы, и незаметно рассыпавшиеся по обочинам дороги бойцы.

На шоссе ждал человек в черном дождевике со слабеньким фонарем. Было довольно темно – горели только фары, прожекторы не включали.

Человек помахал им и сделал несколько размашистых шагов навстречу. Капюшон был откинут, и майор увидел мясистое лицо с носом картошкой и густыми бровями, под которыми примостились белесоватые глаза. Редкие волосы были расчесаны на пробор и основательно тронуты сединой, что сказало майору, что перед ним не ровесник, а человек лет на десять старше. Но фигура у того, кого мысленно майор нарек «председателем», была крепкая, а осанка гордая. В ходе дипломатических миссий, когда они расширяли сферу влияния Подгорного, Демьянов насмотрелся на лидеров сельских поселений. Но пока не видел никого, кто казался бы настолько на своем месте.

– Ну, здравствуйте, гости дорогие.

У человека был малорусский акцент, и он произнес фрикативное «г» в слове гости. Такая огласовка есть кроме того в готском языке, что неудивительно, учитывая, что готы жили когда-то в Крыму и на Дону. Но даже если отбросить говор, Демьянов сразу смог дорисовать в сознании образ человека, с которым до этого связывался только по радио. Этот Корнейчук, похоже, был больше, чем просто деревенский «голова». Настоящий батька.

За его спиной стояли трое, и майор шестым чувством понял, что они вооружены и нервничают. Что неудивительно при встрече с чужаками, которые к тому же приехали из такой неведомой дали и с таким количеством оружия.

– Сергей Борисыч, все, как договаривались? – спросил пожилой мужик, когда они пожали руки. – Остаток пути пройдем пешочком.

И тут же осторожно добавил:

– Если не возражаете. Тут недалече.

Майор кивнул. Местные боялись не только их. Он не брался судить, насколько оправдан их страх перед небом, но пошел им навстречу. Он и так согласился помогать на чужих условиях. Помогать не этому человеку даже – это был просто посредник – а тому, что осталось от законной власти. Но всегда во главу угла он ставил интересы своей «малой родины». Стране, может, уже и не поможешь, а свой городок надо кормить и защищать.

Демьянов уже подыскал место, где можно было оставить транспорт.

В это время машины одна за другой заезжали на территорию рынка, построенного на месте давно не действовавшего завода. При желании там можно было спрятать десять таких автоколонн, и еще нашлось бы место для пары авианосцев. С ними осталось звено в десять бойцов, которым придется пожертвовать комфортом ради гарантии того, что с их техникой ничего не случится. Хотя председатель божился, что места тут вымершие, а значит, безопасные, но Демьянов помнил про засаду на шоссе.

После краткого марш-броска по дороге их маленький отряд вместе с провожатыми вышел к деревне, вернее, к ее заброшенной части. Но даже здесь дома смотрелись так, будто их оставили на пару часов: все как один крепкие, облицованные, с одинаковыми кирпичными заборами. Ни одного ниже двух этажей. Как в какой-нибудь Чечне или Дагестане. Стекол в окнах, правда, нет. Да и высоченные чердаки внушали майору инстинктивное беспокойство, но он преодолел его. Они были на дружественной территории.

Вскоре они оказались перед массивом близко стоящих друг другу домов.

– Сколько у вас людей? – спросил он, оценивая вместимость зданий.

– Тысяча, – чуть ли не с гордостью ответил председатель. Но в глазах мелькнуло сожаление. Наверно, вспомнил, сколько жило тут до войны.

– А этих, с Косвинского Камня?

– Мало. Пятидесяти не наберется.

Демьянов был по-настоящему удивлен.

– Я думал, больше. Вы уже расселили людей генерала у себя? – Нет, только тяжелораненых, – ответил председатель. – Чтоб не устраивать здесь столпотворения, ну и для безопасности. Они мне честно сказали, что деревни, где они останавливались, иногда взлетают на воздух.

– Весело живем, – хмыкнул майор.

– Ага. Завтра они придут, техника их тоже спрятана в надежном месте.

– Ясно. Темно тут у вас.

– Светомаскировка. Да и демонтируем потихоньку. Провода, почти все генераторы вон уже сняли. А что не успели, сейчас разбираем.

Демьянов понял, что верно уловил образ собеседника как по-хорошему прижимистого хозяйственника.

– Забудьте, – оборвал его майор. – Никакого оборудования мы не возьмем. Своего добра полно на любой вкус. Речь шла только о людях. Грузите все продукты, с каждым человеком по десять килограмм ручной клади, и точка.

Председатель сник.

– Жалко все это оставлять, – он обвел рукой здания. – До зубовного скрежета. Как у вас там в городе? Места много?

– И места достаточно, и материальная база такая, что хватит и на вас.

– Ясно... – в голосе «батьки» просквозила безнадежность. – Какой период полураспада у этой дряни?

– Тут изотопы на любой вкус, – ответил Демьянов. – Так что от миллиарда лет и до долей секунды. Но точно могу сказать, в ближайшую сотню лет рекордных урожаев вы не снимете.

– Вот ведь гады... Никита, подь сюды! – Он подозвал мужика в старомодных очках, который, похоже, был завхозом. – Размести гостей в общей. И скажи хлопцам, чтоб сматывали удочки. Не надо разбирать оборудование. Все имущество бросаем.

– Странная у вас какая-то деревня, – произнес Демьянов, когда завхоз убежал выполнять распоряжение. – Вроде не курортная зона, не дачи, никакой промышленности нет, а выглядит на порядок лучше, чем у соседей. Может, у вас золото нашли?

– Да какое золото... Люди разве что золотые. Лева вам лучше расскажет.

Он подозвал своего помощника. Тот явно раньше был дородным, но когда лишние килограммы ушли, остался просто кряжистым, какими изображают гномов. Не то чтобы коротышка, но и не высокий. Был он с бородой и в свободной одежде. Это оказался местный учитель всего на свете, включая физкультуру, по фамилии Бабушкин. Попутно он был замом по идеологии, своего рода товарищем Суловым. Он с радостью начал рассказывать, да так, что не заткнешь. Этот хорошо поставленный голос заставил Демьянова пересмотреть свою первую ассоциацию – в этом человеке было гораздо больше от священника, чем от подземного рудокопа.

До войны эти три рядом стоящие села внешне ничем не отличалось от соседних. Разве что улицы почище и народ более работающий. Городские думали, что это старообрядцы или баптисты. Жители соседних деревень знали ситуацию получше, но чужой человек, заехав в эти края, увидел бы обычную почту, школу и обычный магазинчик с типичным ассортиментом. И не узнал бы никогда, что любой из местных мог получить ту же бутылку водки в сельмаге, просто показав членский билет. Бесплатно. Впрочем, выпивкой тут не злоупотребляли. Точно также можно было получить и хлеб, и сахар, и стиральный порошок, и колбасу, и конфеты.

Те, кто проезжал мимо по трассе, не знали, что в здешней школе предписанные программой учебники и планы существовали только для проверяющих. А дети учились по старым советским расписаниям и учебникам; там, где надо, педколлектив дополнял их специально отобранными пособиями.

На этом чудеса не заканчивались. Электросчетчики в домах стояли для вида. На самом деле плату энергокомпании вносила община. Но и это еще не все. Телепередачи подвергались цензуре – записывали со спутника трансляцию для предыдущего часового пояса и передавали ее в свою сеть уже без рекламы и тех программ и фильмов, которые считали вредными. Их заменяли классической музыкой, балетом или просто «уплотняли» эфир. И, конечно, блокировали и вырезали порнографию из Интернета с помощью сетевого робота. Да и Интернетом молодежь пользовалась только под контролем. До 18 лет дети воспитывались в общем пансионате, а после получали свободу выбора – остаться и работать в колхозе или поехать в большой мир. Но, даже отучившись, многие, если не все, возвращались.

Церкви не было. В ней еще в 1932 году устроили овощехранилище. Но ни наркоманов, ни алкоголиков, ни даже подростковой уголовщины, если не считать нормальных разборок взрослых мальчишек, не было тоже.

Осенью 91-ого колхоз был на грани развала. Урожай вдруг оказался никому не нужен, бензин и запчасти пропали, в стране творилась «шоковая терапия». Самые ушлые подговаривали делить имущество, но нашлось два десятка решительных мужиков, которые отговорили селян приватизировать участки и выгнали прежнего председателя. Его заменил парторг, который тут оказался не рвачом и не бездельником. Это и был агроном Клим Корнейчук, вокруг которого образовался кружок единомышленников – они и заразили своим энтузиазмом остальных. Уже тогда было решено – туда, куда шла остальная страна, колхоз не пойдет.

Сказать, что они сохранили то, что осталось в наследство от СССР, будет не совсем верно. К тому времени осталась только материальная база, ее сохранили. Но культура общественных отношений уже умирала, надо было создавать новую. И им это удалось.

Формально у них не было индивидуальной собственности вообще. Предметы обихода, которыми пользовались постоянно, были принадлежностью дома и передавались вместе с ним без сожалений. Если кому-то была нужна вещь, требующаяся не каждый день, например, хорошая видеокамера, моторная лодка... да и автомобиль, он брал ее на общем складе или общем гараже, пользовался и возвращал.

Демьянов подумал, что Томас Мор и Томмазо Кампанелла от зависти скрипнули бы зубами. Тут никто не строил никаких концепций, но модель, простая и эффективная, работала.

Экономическая жизнь была основана на годовых и пятилетних планах, которые всегда выполнялись с ростом показателей, невзирая на мировые кризисы. Всеми внешними сношениями ведала Артель, но люди не возражали, потому что на практике это избавляло от риска быть обобранными перекупщиками.

Вместо того чтобы продавать сырье, это микро-государство активно развивало консервную промышленность и молочный сектор. До войны они производили все от сыров до йогуртов, да и огурцы в магазинах половины области были отсюда, а не из Индии. Собственно, скот и запасы продукции, которую не успели развезти по торговым точкам, помогли им неплохо пережить зиму. Они не потеряли бы ни одного человека, если б не внешний мир. Еще по пути внимательный глаз Демьянова заметил несколько тщательно замазанных штукатуркой выбоин на стенах. Как бы то ни было, у этой утопии были зубы, иначе бы ее просто затоптали.

Даже теперь, хоть они в техническом плане и отставали от Подгорного, то только потому, что район вокруг был аграрным.

– Вот те раз, – только и смог произнести Сергей Борисович, когда рассказ был закончен. – То есть теоретически человек мог подогнать «Газель» и вынести весь магазин?

– Мог, – ответил Лев – Но не стал бы. На хрена ему это делать, если он знает, что завтра магазин останется на месте? Три кило колбасы за день не съесть. Даже мне. Двое штанов не наденешь. А если сносишь и захочешь новые – их выдадут. Ну, в разумных пределах. Тут дело в воспитании. Мы, старшее поколение, которые все начинали, воспринимали каждый кирпич как свой. А молодые здесь выросли. Как Маугли. Вырос с волками – стал волком. Вырос в свинарнике – свиньей. Вырос среди коммунистов...

– Стал Егором Гайдаром, – мрачно закончил за него Сергей Борисович. – Обнаглел от вседозволенности. Решил, что так жить нельзя, и все разломал.

– Ну, это брак, дефект. У нас для такого не было питательной среды. Мы все люди простые, не богема.

– А как вы определяли потребности? – не унимался въедливый майор. – Где критерий того, что считать потребностью, а что капризом?

– Если община может позволить себе дать это каждому – она должна дать. Если нет, значит, это каприз. Хрустальный дворец – каприз. И норковая шуба из пластин – тоже каприз.

– Во внешнем мире так не считали, – возразил Демьянов. – И шубы были, и в Турцию летали.

– Не все. А много другого не было. Но если бы кто-то у нас очень захотел, его отправили бы хоть на Карибы. Если человек хороший. Но все предпочитали отдыхать здесь или на Алтае.

– А как вы стимулировали людей? С этим в СССР были проблемы.

– У нас не было. Кто плохо работал, получал порицание. Кто лучше – пользовался уважением. Этого хватало.

– Понятно... Я надеюсь, жены у вас не общие?

– Знамо дело, общие, – встрял председатель, хлопнув своего замполита по плечу. – Правила пользования устанавливаются сходом. Обычно по дням недели, но некоторые кадры предпочитают одновременно... по-большевистски. Все по знаменитому декрету, – и он фамильярно подмигнул.

Демьянов нахмурил брови. Он не очень любил шутки ниже пояса, считал их недостойными мужчины и злился, даже когда включали современные комедии. Но, по крайней мере, у батяни было чувство юмора. Это только в книжках – если положительный герой, то ангел с крылышками, а если враг – то и похотливая скотина, и трус, и ничтожество. В жизни в каждом столько намешано, что не отделишь.

А декрет времен гражданской войны был фальшивкой. Хотя были... были горячие головы, которые могли и не такое воплотить. Вспомнить Коллонтай с ее теорией стакана воды.

– Ну а свое ЧК у вас есть? – перевел разговор майор.

– Сам товарищ Дзержинский позавидует. Подвалы и застенки полны инакомыслящими...

А если по правде, то нет надобности, – учитель стал серьезным. – Все проблемы решаем по-свойски. Да и редко они возникают. Так, если кто запил, загулял.

– А кражи, убийства, грабежи?

– Двадцать лет как не было.

– И даже после войны?

– Только от чужих.

«Чужие». Слово неприятно резануло майора. Даже в этом колхозном раю была резкая грань между теми, кто по эту сторону забора, и теми, кто по другую. Хотя этого и следовало ожидать. Им-то самим никто не помогал, всего они добились сами.

– В последние годы часто бывал по делам и в Челябинске, и в вашем Новосибе, – продолжал Лев, – и каждый раз было чувство, будто с головой окунули в выгребную яму. Едешь в автобусе, а все разговоры только об одном. «– Привет, кум. – Здорово, кума. – Где работаешь? – У Семена Семеныча. – Платит вовремя? – Вовремя. – И хорошо платит? – Да так себе...» Идут две девки-студентки: «Вот опять стипендию задерживают...» С другой стороны бабка с дедом болтают: «Скорей бы пенсию дали, заразы... А ты куда столик запрятал, хрен старый?» Сзади две торговки с баулами: «– Ну, как товар идет, Степановна? – Хреново. Всего на пятьсот рублей продала, туды-растуды». Идут два пацана – от горшка не видать – и туда же. Наседают на третьего: «Фу! Ты – лох позорный, у тебя кроссовки мэйдин-чайна...». И, заметьте, никто не обсуждает, какая премьера в театре, кто в филармонии выступает, какую книгу прочитали! Вот тебе, блин, и демократия. Не был бы атеистом, сказал бы – демонократия.

– «Власть бесов», – машинально перевел майор. – Значит, по-вашему, на таких началах можно было организовать жизнь в стране?

– Да не в стране, а в мире.

Чем дольше Демьянов слушал, тем больше хотелось сказать: «Не верю!». Он ничего не имел против СССР, но все здесь казалось невероятным. Словно кусок Северной Кореи, каким-то чудом перенесенный на Урал. Однако перед его глазами был пример сурвайверов, которые тоже были членами необычного коллектива. А именно такие, как оказалось, имели больше шансов. Да и настоящая КНДР вряд ли сильно пострадала.

Лев Бабушкин еще не закончил свою фразу, а Демьянову в голову закралась поганая мысль, что такой коммунизм так же реален, как настоящая демократия. И будет работать, пока

поселение не переросло размеры античного полиса, где все могут собраться на одной площади. А для больших масштабов нужны более сложные механизмы регулирования... которые человечество обязательно бы изобрело, если б ему дали время. Увы, восемь миллиардов нельзя разом загнать в такие пансионаты. И одного подонка на тысячу вполне хватало, чтоб тащить всех в другую сторону, показывая своим примером, что жить «для себя» легче и приятнее. И конец был вполне предсказуем.

– Все это, конечно, интересно, – кивнул Демьянов. – Но вернемся на грешную землю. Генерал, может, приедет завтра, но машины и сопровождение для вас уже готовы. Предлагаю начать грузить урожай, не дожидаясь светового дня.

– Да вы на небо посмотрите, Сергей Борисыч. Сейчас польет как из ведра. У меня уже десять человек так сгорели.

– Так уж и быть. Тогда начнем погрузку завтра с рассветом.

– А если и завтра будет та же петрушка?

– Значит, зонтики возьмете! – разозлился Демьянов. – Или ноги намочить боитесь? Мы не можем с вами неделю торчать. Отправим вас, а нам надо ехать дальше на запад. – А куда, если не секрет, товарищ майор? – прищурился председатель, как довольный кот.

– Если генерал вам не сказал, значит, секрет.

* * *

Их звено двигалось в арьергарде спешенной колонны.

Данилов не очень понимал, зачем остаток пути надо было проделывать на своих двоих и оставлять технику, но никто не бурчал, хотя шли с полной выкладкой. Чувствовали, что в обстановке, приближенной к боевой, на первое место выходит субординация.

Еще в машине Дэн, наконец, объяснил, что, по полученным сведениям, в этом регионе у большой массы железа, двигающейся по дорогам, есть риск попасть под точечный удар. А «точечным» может быть и удар десятикилотонной бомбы, только точка будет большая.

Если у других и могли возникнуть какие-то сомнения, то Александр поверил сразу. Если уж на паршивую «Оптиму» нашлась ракета или бомба, хоть и обычная. С другой стороны, Подгорный стоит невредимый, да и, судя по рассказам, эвакуация из Убежища была очень масштабной. Но ни технику, ни городок не тронули.

Во что они теперь ввязались?

Они миновали один забор, за ним неожиданно оказался другой, такой же высоты, но уже железобетонный. Где-то вдалеке залаяли собаки.

Место, куда они попали, было и похоже, и не похоже на Подгорный. Со стороны оно напоминало гигантский разросшийся двор большой крестьянской семьи. Несколько десятков добротных кирпичных домов образовывали кольцо, замыкавшее в себя общие огороды и хозяйственные постройки. Они были окружены общим забором, а между домами и надворными постройками были сделаны крытые переходы. Так что при желании можно было пересечь весь «комплекс», каждую секунду находясь под крышей. Зимой это, наверно, выручало, особенно детей, если тут тоже были морозы под минус шестьдесят и ветры, сдирающие кожу.

В обычную зиму эти меры были излишними, но местные не спешили их разбирать. И правильно сделали, подумал Саша. Теперь эти настилы должны были дать хоть какую-то защиту от радиоактивных осадков, хоть и ненадолго.

Из труб на крышах нескольких домов поднимался дымок. Идти было легко – под ногами был даже не бетон, а тротуарная плитка. По обе стороны от дорожки за невысокими заборами просматривались вдалеке огороды и каркасы разобранных теплиц. Урожай был уже снят.

Внешний забор вызывал ассоциации с Гулагом, но Саша понимал, что колючая проволока нужна для защиты от тех, кто снаружи. Хотя пулеметы тут тоже явно были, а может, и что-то противотанковое.

И Данилова не оставляла мысль, что весь этот арсенал легко направить на них, запертых в этом дворе вместе с несколькими проводниками. Все огороженное пространство казалось вымершим – только на нескольких домах и паре столбов горели огни, которые легко было погасить. И наоборот: устремить им в глаза слепящий свет прожекторов с крыш.

Что за паранойя! Этак скоро они каждой сосны будут бояться, выйдя за околицу.

Лай послышался снова, уже ближе, а вскоре они заметили источник звуков. Те доносились из постройки, похожей на деревянный сарай, обшитый железом, на высоком бетонном фундаменте.

Данилов заглянул в зарешеченное окошко, прикрытое козырьком так, что дождевые капли не попадали внутрь, и увидел лохматую морду собаки, похожей на кавказскую овчарку. Та злобно гавкнула пару раз – громко, но будто бы неохотно, потом покрутилась на одном месте и с глухим рычанием ушла в темноту. На ее место у окошка темницы вскочила ее товарка, у этой хватило терпения оглашать воздух лаем подольше, но вскоре и она притихла. Судя по тому, что мокрая земля вокруг была истоптана отпечатками лап, их свободу ограничили недавно.

– Разгавкалось мяско... – пробурчал Дэн. – Молчало бы лучше. Теперь каждая собака все равно, что чау-чау. За что же они их заперли, живодеры?

– Да они бы уже сдохли, если бы бегали по двору, – ответил Александр, взглянув на радиометр. За ним так и закрепились обязанности дозиметриста. – Здесь уже как в Новосибирске. Хорошо еще, что дождя нет.

У каждого в рюкзаке был аккуратно уложенный, как парашют, защитный комплект современного образца, противогаз со сменными фильтрами, индивидуальная аптечка. Естественно, все были при оружии.

Здесь, как и в Подгорном, свободных домов в пределах периметра было немало, и, как заметил Саша, все содержались в порядке. Значит, община обустроивалась, рассчитывая на пополнение, а не на убыль.

Они направились к самому большому сооружению в центре двора – похоже, раньше это был сельский клуб. В построенном на совесть здании с декоративными колоннами горел свет в нескольких окнах.

Крытая галерея не доставала до дверей каких –нибудь пять метров. Возможно, ее нарочно разобрали, чтоб легче было выносить мебель. У входа были слышны знакомые голоса.

– Э, да похоже, наши там уже обустроиваются, – пробурчал Петрович. – Давайте поднажмем.

Здание целиком отдали в распоряжение гостей с востока. Внизу «подгорцы» – как они сами себя порой называли – уже выставили свой пост, и вряд ли местные имели право на это обижаться.

Рядом с тремя знакомыми бойцами на крыльце стояли двое деревенских и докуривали вонючие сигареты, тревожно глядя на небо.

– Это вы, значит, нас повезете? – спросил один из них, невысокий человек в очках со старой пластмассовой оправой.

– Чего? – удивился Дэн, который шел первым, и поэтому решил, что вопрос адресован ему, – Ну-ка, поясни, куда и кого.

– Да все говорят, что с вами двинем на новое место жительства.

Презик и Петрович переглянулись, а Александр посмотрел с сомнением. Если бы их задачей было только вывезти пятьсот или даже тысячу человек – это было бы слишком просто. Даже со скидкой на риск попасть под обстрел. И уж тем более не имело смысла Сергею Бори-

совичу бросать дела в городе и приезжать сюда. Данилов готов был спорить, что на экспедицию имеются другие виды, кроме содействия в эвакуации.

– Не знаю, может, и двинем, – неопределенно ответил Дэн. – А вы, стало быть, не ракетчики?

– Да куда там. Мы тутошние. Из колхоза.

– Вот память у людей, – усмехнулся Дэн. – Уже тридцать лет никаких колхозов нет. Только общества с ограниченной ответственностью.

– Нигде нет, а у нас есть, – набычился второй мужик и зло зыркнул.

– Ты это, брат, не кипятись, – положил ему руку на плечо очкастый. – Товарищи издалека приехали, а ты на них волком... А насчет ответственности – поэтому и докатились до такого дерьма, что никто ни за что не отвечал.

Если они и были братьями, то от разных отцов. Угрюмый как сыч и невозмутимый как каменная глыба, в болотных сапогах, в засаленной камуфляжной куртке, которую так и хотелось назвать фуфайкой – второй почему-то напомнил Саше карикатурных русских из комиксов, только балалайки и медведя не хватало.

Зато была кобура. Вряд ли там был маузер, да и на голове вместо фуражки была обычная кожаная кепка, но общий имидж это не меняло: резкие черты грубо вылепленного, рябоватого лица, синеватая щетина оживили в памяти Александра героев Шолохова. Да и говорил этот «Макар Нагульнов» короткими рублеными фразами, все время держа огромные красные ручищи в карманах. – Иннокентий Краснов, – представился тот, что в очках. – Можно просто Кеша. А это Слава. Фамилия такая же.

Через пять минут после того, как зашли в дом, по металлу крыши ударил свирепый ливень.

Странное это было место. Хороший, хотя и архаичный ремонт. Стеновые панели из ценного дерева, потолок без единой трещинки, даже лепнина.

У дверей в тумбочке горой были навалены одинаковые тапки, а на полках стояли галоши. Первое, надо полагать, для тех, кто зашел, второе для тех, кто вышел. Вкупе с железной скобой для отскребания грязи с обуви и большим корытом для ее помывки щеткой на длинной ручке – меры противорадиационной защиты, конечно, аховые.

В холле красное знамя в нише под стеклом. Две гипсовые статуи пионеров с горнами. Рядом с широкой лестницей (ступени выложены плиткой «под мрамор») растения в горшках, даже две небольшие пальмы, потертые диванчики и кресла вдоль стен. И на всем отпечаток беспорядочных сборов – тут и там предметы передвинуты, загораживают проходы, зияют пустые места.

На стенде на самом видном месте – фотографии передовиков, тут же рядом вырезки из газет, все под стеклом. Данилов посмотрел на дату на одной – 1969 год. «Гости с Острова свободы посетили колхоз-миллионер». Но тут же рядом были новые грамоты и медали сельскохозяйственных выставок. Творог, кефир, сметана – товары года. А на другой стене – стенгазета, дурацкие стишки, детские рисунки. И по всему выходило, что сделали ее не так давно. Вывод Саша мог сделать один – в этом месте по-настоящему жили, а не просто пережидали катастрофу.

– Ну ладно, располагайтесь, – завхоз направился к выходу. – Если что надо, pinaйте меня.

Впрочем, он зря катил бочку на условия. Хотя бойцы покинули Подгорный недавно, они были рады возможности отдохнуть в комфорте. Обставлены отведенные им комнаты были по-спартански, но Александр уже усвоил истину, что казарменная обстановка лучше, чем походная. Давила только скука от вынужденного безделья.

– Еще один день такой жизни, и я застрелюсь, – пробормотал Презик со вздохом, когда они разместились. – Сколько можно мариноваться, как огурцы в банке. Когда делото будет?

За двойными стеклопакетами неслышно разбивались крупные капли дождя. Данилов с тревогой поглядывал на затянутое облаками небо, стуча ногтем по подоконнику. Он знал, что долго им прохладиться не придется, и это последняя передышка перед рывком. Уже утром они выступали в неизвестность.

Глава 5. Суша и море

В комнату вошли четверо. Почему-то майор думал, что у них будут красные глаза и бледные, не успевшие загореть лица. Но они, наоборот, были черные, как индусы. И совсем не казались изможденными беженцами.

Трое из них выглядели так, что пять лет назад их бы арестовал первый же патруль, даже если бы у них не было при себе автоматов. Да и сами они выглядели так, будто с оружием не расставались никогда. Матерые волки... или, скорее, волкодавы. Волк – это неконтролируемый опасный одиночка, одни инстинкты и злость. А это были служебные псы, которые и умнее, и сдержаннее. И если надо, задавят любого хищника. Демьянов, которые уже поднаторел в определении степени подготовленности того или иного человека, чувствовал, что у него таких головорезов нет.

Последним зашел генерал Савельев. Демьянов не сразу понял, что это он – одет так же, как остальные, и та же сила ощущалась в нем и готовность к броску, и такой же автомат за спиной. Выдавал только возраст – в тридцать лет в военной иерархии в мирное время так высоко не подняться. Да еще у него была неуставная борода, делавшая его похожим на моложавого Фиделя Кастро.

Демьянову показалось, что у них с генералом есть что-то общее.

– Здравствуйте, – достаточно тепло поприветствовал их генерал. – Ну, не придумали еще названия своей стране?

– Да какой стране, – ответил Демьянов. – Страна, как была, Россия.

– Рассея, моя ты Рассея, – нараспев произнес генерал. – От Волги и до Енисея... В смысле, остальное в шлак, а тут у нас еще кто-то шевелится. Да сегодня любая банда себя может назвать хоть паханатом, хоть эмиратом. Почему б вам не стать «Западносибирской демократической республикой»? У вас под контролем территория, равная Нидерландам или двум Бельгиям.

– Язык ломаем произносить, – покачал головой Демьянов. – Ну да, под контролем... относительно. И что с того? Мы теперь, раз договоры с гадами утратили силу, можем и Антарктиду объявить своею.

– Это верно. Кстати, о гадах. Антарктида не Антарктида, но Шпицберген они очень интересовались.

– Неужели из-за тамошнего хранилища семян? – с ходу отреагировал Демьянов.

– Да вряд ли из-за популяции медведей-людоедов, – усмехнулся в бороду генерал, совсем не удивившись его осведомленности. – Ладно, обо всем по порядку, Сергей Борисович.

Майор отпустил своих сопровождающих, ушли и волкодавы генерала. Перед общим совещанием, где будут присутствовать штабы обеих сторон, они должны были поговорить тет-тет.

Первым делом Демьянов спросил, как положение на фронтах. Просто не мог не спросить.

– Да нет никаких фронтов. Страну покروшили, как колбасу в оливье. Радует одно – они там в точно такой же ситуевине. – И как дела на вашем театре?

– Да какой театр? Так, шапито. Вставили небольшой пистон империалистам, – произнес генерал. – Раз уж вы мой гость... расскажу в двух словах. Но это не моя заслуга, а одного товарища с флота. Он погиб.

Пока он говорил, Демьянов внимательно слушал, иногда кивал, даже не притронулся к чаю и снеди на столе, который накрыл предупредительный завхоз. Чем дольше он слушал, тем большим уважением наполнялся его взгляд.

Война не заканчивается, пока последний солдат не кладет оружие на землю или не ложится в нее сам.

Когда все началось, они – офицеры командного пункта РВСН в горе Косвинский Камень в Северном Урале – не успели ничего предпринять. Горячая фаза Третьей мировой закончилась для них за одну минуту, когда ударом из космоса «Объект КК», способный выдержать любую ударную волну, был ослеплен, оставлен без связи и частично испарился, как и все, кто находился наверху, в военном городке Кытлым, что в семи километрах от горы.

Возможно, будь в строю электронная система «Периметр», все сложилось бы иначе. Нет, без команды со стороны человека компьютер ядерную войну начать не мог. Зато система могла дать офицерам командного пункта гарантию того, что на Россию совершено нападение – даже по косвенным признакам вроде задымленности некоторых участков поверхности, нестандартной сейсмоактивности и скачка уровня радиации. А уже те могли, если связь с верховным командованием потеряна, повернуть ключи и запустить командную ракету, которая, хоть и не несла боеголовки, но, пролетая над страной, давала сигнал на старт «обычным» МБР.

Система могла запустить эту ракету самостоятельно только в одном случае – если бы убедилась, что на командном пункте не осталось никого в живых. Поэтому на Западе ее и называли «мертвая рука». Увы, снятие с боевого дежурства с последующим демонтажем было одним из главных требований «партнеров по диалогу», и было оно выполнено... частично.

В ядерной войне не бывает победителя, но бывает тот, кто выходит из нее с меньшими потерями. Причем, когда к небу уже взвились первые грибы, речь о мирных жителях не идет. Имеют значение потери даже не армии в целом, а тех ее частей, которые могут нанести урон врагу или снизить его для своей страны.

В первые секунды, когда ослепли станции дальнего оповещения, объект КК успел только запросить верховное командование – а потом третья часть бункера перестала существовать вместе со всей наземной частью. Они так и не поняли, что это было: лазер с атомной накачкой, раскаленная плазма или другая высокотехнологичная хрень, но она прошла скалу насквозь, как скальпель хирурга. И все же объект «Косвинский камень» – автономный четырехуровневый бункер высшей степени защиты, врезанный в гранитную скалу, выжил.

По тем немногим кодированным сообщениям, которые они приняли или перехватили, когда сумели восстановить кабель до подземной антенны, офицеры поняли, что война продолжается. И хоть они и не смогли передать сигнал остаткам флота и ракетных войск, это сделали другие. Ответностречный удар не получился, но и простой ответный дал врагу прикурить.

Сначала им не было резона покидать бункер. Кругом раскинулись горы и леса, а ближайший город Карпинск не избежал участи военного городка. Радиосвязь была неустойчивой, но все же выжившие сумели наладить и долго поддерживали контакт с несколькими частями, в том числе с остатками Северного флота. Там, в Мурманской и Архангельской областях, дела оказались еще хуже, там буквально земля горела под ногами.

Одна за другой замолкали дальние радиостанции на русском. В апреле из Европейской части страны не осталось ни одной, правда, и из речи на чужом языке тоже можно было почерпнуть многое.

Что творилось за океаном, они не знали, но Европа полыхала. В Прибалтике, Польше и Венгрии рвались диверсионные атомные фугасы, в Черном море кто-то топил НАТОвские корабли – даже умирая, русский бегемот⁵ наносил американскому левиафану одну рану за другой.

⁵ Бегемот (библ.) – мифическое сухопутное чудовище. Левиафан – морское чудовище.

У них сохранились глаза и уши – чудом избежавшая атаки мощная радиолокационная станция ПВО и оставшиеся в строю системы связи. И, хотя их собственные силы были представлены только батареей ЗРПК «Панцирь»⁶ и охранным батальоном спецназа, они стали играть роль штаба для остатков сил Центрального военного округа.

Это была странная армия для странной войны – армия без тыла, когда мертвые города лежат в руинах, а десять – двадцать тысяч человек продолжают борьбу, разбросанные по всему Уралу и Западной Сибири.

Но враг не появлялся и им, как и гражданским соседям, оставалось жить текущими проблемами. А проблем было много. Все это время их силы таяли.

Первоначально в Кытлыме несли службу больше двух тысяч солдат, офицеров и гражданского персонала, уцелели из них четыреста. Дисциплина тут всегда была на уровне, других на такие объекты не брали, но вскоре даже среди людей генерала стали все настойчивее звучать голоса бросать бесполезное железо. Профессиональные военные умирали от облучения, болезней, падали от случайных пуль распоясавшейся швали; некоторые, что греха таить, стрелялись и вешались. Само железо ржавело, последнее топливо шло на обогрев, последний спирт для протирки механизмов уходил на разогрев людей. Первой ломалась сложная аппаратура. Из наполовину затопленного бункера переселились в бревенчатые срубы в тайге.

А в декабре их заставила встрепнуться новость – радиолокатор засек прилетевший со стороны Баренцева моря объект, который был идентифицирован как палубный самолет ДРЛО «Хокай» («Ястребиный глаз»). Вместе с ним был обнаружен самолет радиоэлектронной борьбы EA18G «Гроулер».

Они были далеко, но генерал знал, что такие птички сами по себе не летают. Патрулирование осуществлялось в интересах авианосной ударной группы.

А вскоре пропала связь с частью под Екатеринбургом. А через день еще с одной, на 100 км западнее. Двигаясь как плуг вдоль побережья, враг добивал с недосыгаемых далее уцелевшие части поверженной армии.

И тогда они приняли решение. Можно было уйти в леса и бросить матчасть, но они поступили по-другому. Никто не хотел стать камикадзе, но для нанесения урона приходилось рисковать. Не в последнюю очередь это было мезтью, но думали и о тех, кого этот каток еще мог перемолоть на пути к Берингову проливу.

Они вызвали огонь на себя. Как в боксе – дать нанести первый удар, уклониться и поймать на встречном движении.

Заброшенный до войны аэродром около города Качканар, километрах в пятидесяти к югу от горы, всего за день обрел вторую жизнь. На аэродроме активно имитировалась деятельность тыловых и технических служб. Мимо пустых ангаров из рифленого железа проезжала инженерная техника и пустые бензовозы, урчали моторами и пыхали дизельным выхлопом тягачи, суетились механики. Неисправные самолеты, к которым не было запчастей, выкатывались на взлетные полосы. В воздух ненадолго подняли вертолет Ми-8. На земле в ход пошли даже надувные макеты боевой техники, над которыми в свое время не смеялся только ленивый.

Настоящие самолеты так и оставались на небольшом аэродроме Кытлыма – взлетная полоса не пострадала во время удара «лазером».

А под Качканаром тщательно создавалась картина скоординированных действий и перемещений. Все выглядело так, будто у русских сохранилась здесь значительная группировка сил, которая находится в боевой готовности. И именно по ней должны были ударить в первую очередь.

Еще в первой войне в Заливе, во время «Бури в пустыне» американцы охотились за иракскими ракетными комплексами СКАД, вычисляя их по тепловому излучению при запуске

⁶ «Панцирь-С1» – российский самоходный зенитный ракетно-пушечный комплекс наземного базирования.

ракеты. По ним наводили «Томагавки». Хитрые арабы в ответ придумали приваривать к тракторным прицепах железные трубы. Поджигая в трубе что-нибудь горючее, они имитировали «запуски».

«Штаб» изображался на раз. Несколько армейских передатчиков плюс магнитофон с записью военных переговоров шифром, длинный волновод от передатчиков проводился к какому-нибудь заброшенному бункеру. Да хоть к пустому погребу дачника. При бомбовом ударе дорожной бомбой страдала только антенна и метров тридцать волновода.

Системы ПВО изображались с помощью жестяных конструкций типа гаража, с проводочной сеткой на крыше и микроволновой печью с разбитым кожухом внутри. В этот простой имитатор вполне могла попасть противорадиолокационная ракета НАТО. Модулируя излучение СВЧ-печки, можно было имитировать радар ещё правдоподобнее. Этим способом активно пользовались сербы в 1999 году.

Копировать эти ходы дословно генерал не собирался, но кое-что на вооружение взял. Электронная начинка модернизированных «томагавков» могла распознавать технику и здания и по контурам, да и операторы могли отличить простые подделки. Ни сербам, ни иракцам эти фокусы не помогли.

«Ну так у них и не было средств, чтоб нанести врагу адекватный урон, – говорил себе генерал. – А у нас они есть».

Сниженная видимость тоже играла на руку: кое где еще горели торфяные поля, нефтяные и газовые месторождения и даже угольные пласты.

Во время подготовки они не пользовались даже радиосвязью. Все приказы передавали световой сигнализацией и вестовыми на мотоциклах.

Сыр долго лежал в мышеловке, но Микки-Маус пришел за ним. 8 октября 2019 года у агрессора сдали нервы – последовал сокрушительный удар, который поразил пустоту. «Умные» бомбы с лазерным наведением перепахали никогда не знавшие плуга поля. Дюралюминиевые фюзеляжи старых самолетов лопались от разрывов и жара авиабомб с белым фосфором. В напалмовом огне сгорали пустые ангары и склады. Пожалуй, впервые в истории войн оружие ценой в сотни миллионов долларов не убило ни одного человека.

Штатовских летчиков подвела самоуверенность. Гости из Западного полушария вели свою зачистку не первый месяц и приобрели ощущение безнаказанности, которое возникает, когда бьешь того, кто не может ответить. Это им и вышло боком, как и привычка полагаться на умную технику.

На нанесение удара по «потемкинским деревням» истребители-штурмовики истратили все ракеты. Причем нанести удар на пределе дальности действия ракет «воздух-земля» им помешали ионосферные помехи, которые резко снижали точность любого «умного» оружия.

Комплекс «Панцирь», шесть машин которого столько месяцев оберегались от холода и непогоды, оправдал доверие и не подвел. Треть штурмовиков, возвращаясь на корабль-носитель, получила ракету в хвост, и совсем не оттуда, где была недавно сожжена фальшивая «батарея ПВО». И когда пилоты F/A18 «Хорнет»⁷ в потрясении выпускали тепловые ловушки и дипольные отражатели, внезапно оказалось, что в воздухе они не одни. К ним спешили два звена истребителей, втянув их в воздушный бой, которого те совсем не ждали.

В связи с малой вероятностью воздушного противодействия русских, а также для увеличения боевой нагрузки в первом ударном эшелоне, американский руководитель операции большинство самолетов вооружил исключительно боеприпасами «воздухземля». К несчастью для себя и пилотов.

⁷ F/A-18 «Hornet» (рус. «Шершень») – американский палубный истребитель-бомбардировщик и штурмовик, разработанный в 1970-х годах. На сегодня является основным боевым самолётом ВМС США.

Шесть русских самолетов, один из которых был ультрасовременным Т-50, вступили в бой против девяти оставшихся «Шершней», отрезая им путь к отступлению.

Тем временем с авианосца проекта «Дж. Форд» уже взлетала вторая волна для нанесения удара по уточненным целям на земле, а также на подмогу избиваемой «всухую» первой волне, оставив корабли практически без прикрытия.

Над уральскими лесами поднимался смертельный фейерверк. А у побережья Таймыра к кораблям противника в это время приближалось все, что удалось наскрести из остатков дальней бомбардировочной авиации. Пилоты двух бомбардировщиков Ту-22МЗ⁸ с крылатыми противокорабельными ракетами Х22 с ядерными БЧ в 350 килотонн, которые шли без прикрытия, понимали, на что идут. Предельная дальность в 600 км у этих ракет означала необходимость приблизиться к АУГ на смертельно опасное расстояние.

Даже здесь после Армагеддона обе стороны использовали оружие стремительно уходящей технологической эпохи.

Идущий на малой высоте СУ24 МР⁹ обеспечивал целеуказание и подавление электроники американцев с помощью новейшего на тот момент комплекса РЭБ.

Однако и такими мощными ракетами поразить авианосец непросто – ордер слишком подвижен, слишком хорошо прикрыт противоракетными системами, а даже близкое попадание не сможет потопить самого морского колосса. Должно было случиться что-то, что снизит его маневренность. И именно координация трех родов войск дала русским этот шанс – силы Краснознаменного Северного флота тоже вступали в борьбу.

Они тоже были практически смертниками. Все, кто пошел, пошли только добровольно, зная, что ударная волна может накрыть и их. У них было всего одно крупное судно – с большим трудом сбереженный корвет типа «Стерегущий», четыре ракетных катера, но большая часть плавсредств были и вовсе гражданскими. На них установили найденные в одном из складов ракетные комплексы «Калибр». Современные средства противокорабельной борьбы можно разместить даже на относительно небольшом судне.

Несколько сотен противокорабельных ракет пошли в ход массированными залпами.

Штатовцы засекали карликовый флот, когда больше половины из «сомалийских пиратов» севера приблизились на расстояние эффективного выстрела.

Системы «Эгида»¹⁰ с эсминцев сразу распознали угрозу и начали отмахиваться от взявшейся непонятно откуда флотилии: выпустили противоракеты, «Томагавками» начали одного за другим топить «рыбаков». И хоть суденышки очень мало отсвечивали на радарх, их все равно настигали американские ракеты, разнося в щепки.

В ответ тем удалось потопить один эсминец и серьезно повредить еще два, но главное, авианосной группе пришлось сбросить ход, а потом и остановиться для спасательных и ремонтных мероприятий. «Эгида» между тем была перегружена большим количеством целей и угроз.

Когда янки засекали приближение бомберов и перенаправили несколько оставшихся на борту палубных истребителей на новую угрозу, было уже поздно.

Первая ракета Х-22 взорвалась в 20 километрах к востоку от авианосной ударной группы – ударная волна и электромагнитный импульс разорвали оборону той в клочья. Пока системы уцелевших кораблей переходили на резервные цепи и аппаратуру, подлетела вторая Х-22 и прямым попаданием довершила начатое. Уцелевшие корабли российских ВМФ при этом почти не пострадали.

⁸ Ту-22МЗ – российский дальний сверхзвуковой ракетноноситель-бомбардировщик с изменяемой геометрией крыла

⁹ Су-24МР – советский/российский тактический разведывательный самолёт предназначен для ведения комплексной всепогодной разведки днём или ночью на глубине до 400 км за линией боевого соприкосновения войск.

¹⁰ Aegis combat system – корабельная многофункциональная система боевого управления «Иджис», разработанная в США, включающая в себя автоматизированную систему управления ПВО.

Подавив сопротивление и уничтожив цели, «Хорнеты» второй волны покидали опасную континентальную зону, но садиться им было уже некуда – взлетная полоса была покрыта дымящимися кратерами пробоин, а «Остров» – мозг огромного корабля, был тяжело поврежден ударной волной. Теперь это был просто плавучий гроб, ставший настоящим гробом для почти двух третей экипажа, включая всех, кто был на мостике. Огромную посудину так и бросили посреди залива, даже не затопив.

Это была победа, хоть она и досталась дорогой ценой. Из самолетов вернулся на аэродром один поврежденный Су-27, а из моряков погибло больше половины. У подразделений ПВО, тыловых служб и штаба тоже недосчитались многих – второй удар был более точен. Но авианосное соединение впервые в современной истории было уничтожено как боевая единица. Его потрепанные останки уходили на всех парах, бросая поврежденные корабли и оставив немало раненых барахтаться в ледяной воде в спасательных жилетах.

Потеряны были все корабли снабжения, а уцелевшие эсминцы «Арли Бёрк»¹¹, фрегаты и корветы подбирали только тех, кто сумел самостоятельно выбраться в спасательных ботах.

Сколько бы ни оставалось у американо-австралийского командования авианосцев, вряд ли они теперь рискнут подойти к российским берегам. А над местом морского боя, который мог бы войти в учебники истории, если таковые когда-нибудь еще напишут, долго стоял дым. И северное сияние в холодном арктическом небе.

Двух катапультировавшихся над Качканаром пилотов скоро нашли. Нет, их не стали свежевать и жарить живьем. Всего лишь, тщательно допросив, расстреляли.

– Ты знаешь, они не такие, какими их изображали в наших книжках, – закончил рассказ генерал. – Там в этих сказках каждый второй пиндос – или гомосек, или наркоман, или трансвестит. И уж все поголовно трусы и ничтожества. Нет, эти не такие... Нормальные мужики. Храбрились, не лебезили. Правда, искренне думали, что мы начали войну.

Конечно, в линейных частях там часто служит отребье, которому иначе светила бы тюрьма или депортация. Но становой хребет нации – эти люди не хуже... а может, и лучше тех, кто ходит у нас по улицам. Мы в нашем бангустане, как всегда, обогнали метрополию. Те, кто сидит за пультами и запускает крылатые ракеты, водит авианосцы и суборбитальные бомбардировщики... это люди, которые знают, что Достоевский – не хоккеист. Ну а уж те, кто ракеты разрабатывает – эти знают и нашу живопись, и музыку, животных любят, помощь голодающим в Африке собирали и столовые для нищих содержали. Все сплошь высоколобые гуманисты и за мир на всей Земле.

– Но какими бы эти ребята ни были, – продолжал он, – они жили в виртуальном мире, где Саддам имел биологическое оружие, а Каддафи расстреливал демонстрации с вертолетов. Мы для них дикари, к которым можно испытывать только жалость и которым нужно принести, значит, «бремя белого человека». Поэтому даже самые золотые из них были и остаются... и еще долго останутся нашими враги.

Генерал перевел дух. На мгновение Демьянову показалось, что этот железный человек дал слабину.

– Да что я говорю... – произнес тот. – Я ведь знаю о них не по рассказам. Я тогда еще про Косвинский Камень слыхом не слыхивал, но допуск по форме номер один уже имел, поэтому сам был невыездной... Но сын приезжал погостить с двумя коллегами из коренных янки. Потом, когда я дорос до генерала, наши особисты-эфэсбисты крупно сели в лужу – не нашли пятно в биографии. Хотя в век электронных коммуникаций эти проверки как каменный век. Чтобы сдать информацию, не надо выезжать за границу или иметь там родственников... Фамилия у него была материна. С ней мы расстались нормально, общаться с сыном не

¹¹ Арли Бёрк (англ. the Arleigh Burke class destroyers) – американский эскадренный миноносец с управляемым ракетным оружием

мешала. А он получился упрямый, весь в меня. «Уеду и точка. Здесь, мол, для программиста моего уровня работы нет». Работу он там нашел быстро. У нашего бывшего соотечественника, создавшего известный поисковик. Мне он рассказывал мало, похоже, то, чем он занимался, было засекречено не меньше, чем у меня. Жил не в самой Силиконовой долине, а в округе Санта-Барбара. Это вам что-нибудь говорит, Сергей Борисович? – Знаю только сериал, – ответил Демьянов. – И базу ВВС Ванденберг.

– Не просто военная база, а главная американская площадка для высокоорбитальных запусков.

– Спутники-шпионы?

– Минимум один летает и сейчас. С сенсором типа SBIRS – инфракрасной системой космического базирования. Но не только. Весной две тысячи восемнадцатого года они запустили оттуда боевую платформу. Наши за ней наблюдали, но сделать ничего не могли. Сбить ее ракетами системы ПКО – можно, но для этого надо было как минимум объявить войну. Устроить ей «аварию» – наверно, не хватило ума или смелости. Естественно, за ней следили. В июле НАСА объявило «многоцелевой климатологический спутник» утерянным в результате солнечной бури. А в день «Ч» эта красотиля, якобы распавшаяся на части и сгоревшая в Тихом океане, оказалась над Московской областью. Вернее «над» при таких орбитах условное понятие. Дальнейшее вы можете додумать.

Демьянов между делом подумал о личной боли этого человека. У них действительно было что-то общее. Оба потеряли семьи задолго до войны, остались на обломках, как после кораблекрушения. Хотя какое это имело значение теперь, когда у каждого было трагедий на десять Шекспиров.

– Ладно, перейдем к делу, – генерал провел рукой по столу, будто подводя черту под разговором ни о чем. – Вскоре после того, как мы ударили по АУГ, противник разровнял объект КК под ноль. Удача от нас отвернулась – достали и нас в наших лесах. Почти все полегли. Похоже, с подводной лодки и как раз по картинке со спутника. Одновременно крылатые ракеты поразили хранилище отработанных ядерных отходов под Озерском. Оттуда стремительно распространяется радиоактивное облако. Думаю, вы сами могли зафиксировать его след. Чернобыль заразил пол-Европы, а тут десять чернобылей. Дороги пока еще не полны беженцами только потому, что людей осталось мало и не все поняли, чем это грозит. Но дальше на запад картина может измениться. И уж точно надо остерегаться всякой нечисти, например, моджахедов.

– Это еще кто?

– Натуральные ваххабиты. В последние годы перед войной расплодились на деньги из Саудовской Аравии, а может, и не только оттуда. Там у них полный интернационал. Выходцы с Кавказа, средней Азии, местные татары, башкиры, ну и русские – почти треть. Но это тоже, повторюсь, самое меньше, чего вам стоит опасаться.

– А что с подлодкой?

– Она утонула, – не моргнув, ответил генерал. – Простите. Не имеем возможности проверить. Связь с флотом потеряна. Повторюсь, нам сейчас надо думать не об этом. Сергей Борисович, все, что я вам сейчас расскажу, не для чужих ушей.

– Да я что, вчера родился?

Про себя Демьянов подумал: «Побывав внизу, мои люди и сами обо всем догадаются, так что зря ломает комедию».

– Это не простой продовольственный склад Росрезерва, – продолжал генерал. – И не мобилизационный склад для военного времени. Насколько я знаю, там хранится резерв, достаточный для автономного существования крупного города и для воссоздания его производственной и сельскохозяйственной базы. Семена, инструменты, станки, техника. И продукты тоже. Ямантау – это клад. А по закону клад принадлежит государству.

Демьянов не стал спорить, доказывая, что к государству они теперь оба не имеют отношения. В конце концов, кто из них за эту страну воевал?

– А на чем мы повезем эти сокровища Алибабы? – спросил он вместо этого. – Раз уж вы настояли на том, чтобы мы помогли этим коммунарам.

Сам Демьянов от такой благотворительности воздержался бы. Хотя работники они не плохие... вот и пусть отрабатывают билеты. – Технику мы вам дадим, – ответил генерал. – Не хуже, чем у вас и в любом количестве. Транспорт не вопрос.

– Тогда в чем вопрос? Кто-нибудь уже пытался туда проникнуть?

Генерал коротко кивнул.

– Хотя кто-то из них вышел назад? Там должны быть очень эффективные меры против проникновения.

– Думаете в правильном направлении. У меня есть кое-какая информация, но нет людей. А человеческий материал подобрать труднее всего. Именно поэтому я и попросил вас выручить этих аграриев. Вокруг творится такая дичь, что каждый здоровый росток на счету. Но для такой работы их ополчение не годится. У вас больше опыта. Вы ведь весь областной центр облазили.

– И поэтому нам выпала честь таскать для вас каштаны из огня? – Они были в равном положении, поэтому Демьянов мог позволить себе дерзить.

– Таскать не для нас. Или вы думаете, мы хотим залезть туда, чтоб утащить коробку консервов?

Демьянов тактично промолчал. Наверное, он и вправду привык думать о людях с позиции голодного зверя.

– Мы хотим найти что-то, что может помочь этой стране, – внезапно произнес генерал. Это звучало так неправдоподобно, что не было похоже на вранье.

– Я иногда думаю, «этой стране» и пять лет назад помочь было невозможно, – скептически проронил майор. – Тем более сейчас. Ну да ладно, снявши голову, по волосам не плачут. Какова диспозиция? Что нас там ждет?

– Я могу дать только общие советы. Каждое такое сооружение строилось по индивидуальному плану, а это вообще ни на что не похоже. Даже наш Косвинский Камень рядом с ним не стоял. Понятия не имею, что там внизу, – генерал развел руками.

– А уж тем более – кто, – подумав, добавил он. – Во всем Межгорье мы нашли три десятка человек и всего один смог что-то рассказать. Увы, он прожил недолго. Он был из Управления Строительства тридцать, это организация министерства обороны, занимавшаяся стратегическими объектами. Ленинградец, работал раньше в Метрострое. В две тысячи третьем году по контракту приехал в Межгорье. Рассказал, что на объект доставлялись в закрытых автобусах, с рабочими из других бригад почти не встречались. Охраняли все наверху внутренние войска... а внизу ССО. Служба специальных объектов. Везде колючка, заборы, КПП, камеры, чуть ли не рентген, как на алмазной шахте. Каждая бригада видела только свой участок. Они, например, проходили два вентиляционных ствола, поэтому он и смог составить впечатление о размерах этой махины. Но монтаж оборудования проводили, когда его там уже не было. Подписку о неразглашении он давал до... мы столько не проживем. Мужик еще шутил: слава богу, что не ликвидировали, как строителей ставки Гитлера в Вульфшанце.

Генерал достал из кожаной папки чертеж, похожий на схему выработок шахты. Рассматривая аккуратный набросок, явно выполненный человеком, привыкшим чертить без Autocad'a, Демьянов все больше хмурился.

– Если я правильно понял масштаб, это чуть меньше Новосибирского метро. Разве для командного пункта нужно вынимать столько породы?

– Вот и я о том же. Сдается мне, эта штука ближе по назначению к комплексу на Шпицбергене, чем к нашему Косвинскому Камню. Наверняка супостаты сами строили что-то подобное у себя в Колорадо. А если копнуть, то у каждой третьей страны найдутся сход-

ные катакомбы. Тоннели в швейцарских Альпах, метро Пхеньяна, подземелья корпоративных небоскребов Токио. Шутка в том, что как раз таки от прямого ядерного удара ни одно из этих сооружений с гарантией не защитит. – И для чего тогда их строили?

– Думаю, вам это предстоит выяснить.

* * *

– Вы, вы и вы тоже... – Демьянов скользнул взглядом по Александру, но ничего не сказал и двинулся дальше.

Данилов знал, что никакое прошение подавать не надо. Если не взяли, значит, не взяли.

Весь этот день они грузили картошку, морковку, капусту, свеклу и даже репу. Небо с утра было чистым, но один раз зарядил слепой дождик, что заставило их понервничать. К счастью, он быстро закончился. Вот так и закончилась героическая поездка – начал грузчиком, им и остался.

Но, оказалось, он ошибся. Тех, кого называли, наоборот, отрядили на доставку беженцев. Их было всего пятнадцать, что наглядно показывало, как расставлены приоритеты.

Селяне погрузились очень оперативно. Все мужчины были с ружьями и автоматами: а значит, доверие им было таким, что охранять они себя должны были сами. Машины покинули опустевшее село и отправились в обратный путь к Подгорному.

Тех, кто должен был продолжить экспедицию, осталось сорок человек. Их ждала дорога в противоположном направлении – на запад.

Глава 6. Духи Ямантау

Все тайное становится явным. Не стала исключением и цель их путешествия.

Ямантау... Ямантау... Ямантау. Несся слух по колонне.

Данилов мог бы много рассказать об этой горе, но все это были досужие сплетни.

В России было не так много любителей конспирологии, как в США, но они были. И Александр был как раз из таких. Но что же он, перечитавший гору информации о тайнах и заговорах, знал о Ямантау?

Во-первых, что это самая высокая гора южно-уральского массива с высотой 1640 м. Ближайший город – Межгорье. До того, как стать Межгорьем, он был посёлком Татлы со станцией Юша; в 1979 году стал Уфой-105; потом Белорецком-16. Видимо, чтоб враги головы поломали.

Точно неизвестно, кто запустил слух, что там под землей расположен город, рассчитанный на проживание не то шестидесяти, не то трехсот тысяч человек. Но мир про военный комплекс в Южном Урале заговорил после статьи в «Нью-Йорк Таймс» 16 апреля 1996 года. И здорово струхнул тогда этот цивилизованный мир: особенно из-за того, что в купленной с потрохами России Ямантау было единственным белым пятном, о котором ничего не удавалось узнать. С 2009 года его схемами интересовалась небезызвестная Wikileaks Джулиана Ассанджа, и они несколько лет подряд включались в список самых востребованных утечек. Но так и не утекли.

Попади Данилов в такую экспедицию раньше – всю дорогу бы чувствовал томление от перспективы прикоснуться к одной из главных тайн цивилизации. Но теперь слишком многое в нем выгорело. И все же он чувствовал, что должен быть там и увидеть это своими глазами. Узнать, насколько миф соответствует реальности.

Трасса Челябинск – Уфа чуть не добила их, явив такую же картинку, как ее сестра-близнец в Азии.

Было что-то жуткое в этом затишье на крупной многорядной трассе, соединявшей крупные городов: Омск, Ишим, Курган, Челябинск, Миасс, Златоуст.

Нет, несколько раз им попадались двигавшиеся навстречу отдельные машины и целые караваны. Но, если учесть, что раньше общее население регионов, через которые они проехали, составляло больше десяти миллионов, это было каплей в море и наводило на нехорошие мысли.

Прежде, чем они свернули на Белорецк, была всего одна стычка, о которой Данилов узнал потом из скупых рассказов товарищей. Это случилось, когда на привале кто-то из разведчиков увидел на грунте рядом с придорожным кафе несколько свежих окурков и отпечатков сапог. Вскоре обнаружили и следы шин, уходящие в лес.

Это вполне могло быть ловушкой, поэтому двигались по следу с осторожностью.

Преодолев километров пять, дозор вышел на группку из десяти человек, которая пряталась в лесополосе рядом с шоссе – и явно не для сбора грибов, потому что все были с автоматами наперевес и занимали место, с которого хорошо просматривался лежащий впереди участок дороги. Обнаружились рядом и их средства передвижения – трехколесные мотоциклы.

Разведчики сумели приблизиться к ним скрытно и взять в клещи. Хорошие люди по лесам не прячутся, поэтому, не тратя время на сантименты, разведгруппа расстреляла засаду почти в упор, что позволило обойтись без потерь и раненых со своей стороны. Четверо успели бросить оружие, но только двоих это спасло в горячке боя. На исламистов, о которых все бойцы судачили с тех пор, как покинули Колхоз, эти сопляки не тянули. Демьянов сам распорядился, чтобы обоих пленных оставили в живых, хотя Александр не совсем понимал, зачем.

* * *

2 октября 2020 года они прибыли в Межгорье.

Рано утром, как узнал Данилов, в город вошли разведчики. По пыльным нехоженным улицам пронеслись два УАЗа. Они провели тщательный осмотр местности и только потом двинулись в центр.

А вокруг все было пусто, мертво. Не было даже собак и, пожалуй, неспроста: радиометр, с которыми разведчики сверялись, как с часами, бил тревогу. Они еще пару дней назад перешли на высшую степень радиационной защиты, и теперь им приходилось дышать через фильтры, что тоже не добавляло комфорта. Хорошо еще, что было не жарко.

На улицах им попало совсем немного мертвых тел – погибшие еще в первый день и никем не потревоженные, в лохмотьях летней одежды. Все были без внешних повреждений и выглядели так, будто смерть застигла их мгновенно. Остальные так и остались в домах.

По мере движения на восток местность вокруг становилась все более бедной жизнью. Не было четко прочерченной границы, просто постепенно исчезла трава – даже пожухлая. Та бурая каша, которая была у них под ногами, оказалась травостоем, оставшимся с довоенного августа, на месте которого этим летом уже ничего не выросло.

Дорога медленно шла в гору.

Из машины вышли как раз рядом с дорожным знаком, извещающим о том, что они приближаются к границам населенного пункта.

И внезапно Александр почувствовал приступ дежа вю. До боли в груди, до пощипывания в уголках глаз. На первый взгляд это был такой же депрессивный шахтерский моногород, как его родной Прокопьевск. Панельные дома на фоне уходящих за горизонт холмов. Разве что здесь не уголь копали, а рыли бездонное подземелье, да еще постороннему в Межгорье было так просто не попасть.

Еще Данилов вспомнил Припять, мертворожденный город атомщиков рядом с Чернобыльской АЭС, который обрел свою вторую жизнь в качестве постапокалиптического фетиша. Неужели здесь есть что-то, что может им пригодиться?

Несколько крупных магазинов, современный спорткомплекс и аллеи ныне засохших тополей оживить его не могли.

* * *

– Как вы думаете, это действительно нора для нашей дорогой элиты?

– А ты считаешь, в Кремле сидели дураки?

– А кто тебе сказал, что те, кого мы видели на экране – и есть первые лица? Может, страной давно правил совет Неизвестных отцов.

– Ты не Бориса Рабиновича имеешь в виду?

– И его тоже.

– Это давно уже было бы в сети, – усомнился Данилов. – Столько людей, хоть один выложил бы информацию. Да я не про совет, блин, а про гору!

– Если ты такой раздолбай, то не надо думать, что все такие, – хмуро посмотрел на него Петрович. – Мы вот в Интернете не сидели, поважнее дела были. Да и речь шла бы о государственной измене. Изменить государству – это ведь не жене. Удовольствия мало, а риск огромен.

– А это смотря какая жена, – хохотнул Презик. – С иной чем связываться, так лучше шпионам все военные секреты сдать.

– Если бы это был город для элиты в широком смысле, – упрямо твердил Саша, – то есть и генералов, и банкиров, и министров, и их деток, это давно было бы снято на камеру и выложено в Интернет. А если под элитой понимать десять-двенадцать высших должностных лиц государства... то они смертники в случае внезапной атаки. Не будешь же круглый год торчать на Урале оттого, что в Вашингтоне чихнули? А если атака застанет в Москве, то считай, что ты труп. Метродва за две тысячи километров не дотянуть...

– Почему не дотянуть? – вступил в спор Презик. – Если начали строить еще при Сталине, то могли уже хоть от Питера дотянуть. Тогда умели... стимулировать на рекорды. Да не город это, а подземный завод. Чтоб даже после тотального удара можно было ракеты штамповать. Я читал в сети.

– Сеть, конечно, источник авторитетный, – хмыкнул Дэн. – Ага, а всех смежников тоже спрятать? На одну «Булаву» полтысячи предприятий работало, причем и на поверхности умудрились портачить так, что падала, зараза.

– Ребят, я вас огорчу, – вступил в разговор до этого молчавший проводник, один из тридцати выживших обитателей города. – Нету никакого убежища в Ямантау. Шарахнули со страху америкосы по бесполезной каменюке. Все там продано и разворовано. А сам объект – шахта урановая, отсюда и секретность. А охрана – против старателей по металлу. Я там служил во внешнем кордоне недолго. В двухтысячные, правда, немного оживилось. Даже в выходные с самого утра через КПП к Горе проезжало минимум пятьдесят машин: типовые автобусы и «Уралы». Наверно, шахту расконсервировали, вот и начали возить рабочих и материалы. А дорога там хорошая, бетонка. И железнодорожная линия. Но той уже нету, – огорошил их проводник. – Половину разобрали, другую просто засыпали. Даже рельсы и столбы увезли. И город сам на ладан дышал. Выводы? Как обычно у нас в России. Долго запрягаем... и никуда не едем.

– А щебень-то – настоящий гранит, – произнес вдруг Петрович.

Вскоре подъем закончился, и их глазам предстал исполинский конус горы.

Дорога от района Солнечный до бывшего горно-обогатительного комбината оказалась на редкость ровной, без единой ямки. Но за пару километров до него неожиданно оборвалась.

Интермедия 3. Орда

Трупы убитых прошлым вечером так и лежали штабелем там, где с ними расправились. Вид мертвецов давно стал нестрашным, привычным, даже для женщин, которые уже давно

обитали в лагере. Но не для рабов, которые вышли этим утром набрать воды, наколоть дров или убрать мусор. Эти до сих пор смотрели на убитых как на предвестников своей собственной судьбы. Им же поручили оттащить тела подальше в овраг и забросать землей, когда проспался дежурный по лагерю. Сделав работу, они старались побыстрее исчезнуть, и, втянув голову в плечи спешили в свои лачуги, чтобы не попасться на глаза страдающим от безделья бандюганам.

Сам лагерь проснулся поздно, ближе к полдню. К обычному ленивому бубнежу продирающих глаза людей присоединилась простенькая мелодия: у кого-то в палатке заиграла музыка. Но не лагерные песни, а лирические благоглупости одной певицы из Североморска. Возможно ее чистый, пусть и не очень сильный голосок, рассказывающий о несчастной любви, задевал какие-то струны даже в душе грубых татуированных мужиков.

Возле колонки-водокачки несколько безусых пацанов обступили пожилого мужчину в не по росту коротких брюках, заляпанных грязью.

– Ты че, петух обоссанный? Че так мало принес?

Он переводил взгляд с одного на другого.

– Ты че, не понял, гнида гашенная? А ну сюда смотри!

Пустые глаза робота с трудом фиксировались на их лицах. В них не было даже страха, только тупое смирение: как же так, ведь он сделал все, что они сказали... Ползал на карачках и собирал окурки по всему лагерю. Почему на него кричат? Разум человека был поврежден, но не от частых ударов по голове. Просто он слишком много видел. Когда его начали лупить, он не закрывался, не пытался увернуться от ударов и даже не вскрикивал.

Мучить такого неинтересно, но заняться подросткам, чей социальный статус был ниже всех, кроме парий, было больше нечем. Вот один из них потерял терпение, и в глазу человека противно зашипел им же принесенный окурочек. Тот протяжно завыл и попятился, но растянулся на земле от несильного, но умелого пинка в лицо.

– Петро, сьмай с него штаны. Дрюн, давай вон ту бутылку. Сейчас мы тебя, падла, научим.

За развлечениями молодняка с любопытством наблюдал бандит постарше, лениво почесывая пузо под майкой. По названию часовой, по сути это был просто бездельник в растянутых спортивных штанах. Видавшая виды винтовка СКС лежала рядом на перевернутой железной бочке. За бочкой, почти на виду, лежала бутылка с остатками мутноватого, видимо, налитого в немывтую бутылку спирта.

Только когда один из сопляков действительно начал снимать со старика штаны, а другой душил его куском провода, взрослый уголовник устало прикрикнул на садистов:

– Эй, харэ беспредельничать!

Одернул их не потому, что стало жалко эту полубезумную скотину. Просто не хотел проблем в свое дежурство. Мало ли, вдруг пахан выберется из своей палатки. Вообще-то тот уже две недели лежал пластом с жуткой диареей и температурой за тридцать девять. Самые шаренные уже поговаривали, что пора искать замену.

И все-таки леший его знает. Запах алкоголя хорошо бы убрать. Доставая скатанную в комок мятную жвачку из кармана, бандит краем заметил, что мелюзга вдруг куда-то пропала, но не придал этому значения.

Внезапно острая боль заставила мужика взвизгнуть почти фальцетом. По щеке побежало горячее, рука рефлекторно схватилась за левое ухо... и он понял, что от того осталась ровно половина.

Дедуля, правая рука Бурого, пожилой «вор в законе», выполнявший хозяйственные функции и работу замполита, имел привычку ходить неслышно. Он был единственный, кто в лагере носил туфли типа мокасин на мягкой подошве.

Теперь он аккуратно обтирал тряпочкой бритву, которую по недоразумению называли безопасной. На запястье с выступающими венами мелькнула татуировка: «homo sapiens» – «человек хапающий». Он родился в колонии-поселении и большую часть своей жизни провел в тюрьмах и лагерях. Говорил он мягко и вкрадчиво и мог быть почти также интеллигентен, как грузинский политик Джаба Иоселиани, который был не только мафиози, но и поэт, искусствовед, специалист по герменевтике театра.

Уважали его не только за опыт, но и за справедливость, однако карал он беспощадно. И все разгильдяйство объяснялось только тем, что никто не видел Дедулю в лагере всю последнюю неделю.

– Ты что-то потерял, уважаемый? – улыбнулся Дедуля, похлопав часового по плечу. И положил ему в нагрудный карман «Адидаса» кусок его же уха. – Этак тебе и башку отрежут, а ты не заметишь.

Раб продолжал бестолково толочься возле водокачки, пытаясь трясущимися руками открыть кран, рукавом то и дело утирая кровавую юшку. Один глаз заплыл, второй был еще ненормальнее прежнего.

– И это так ты охраняешь? – ледяным тоном произнес Бурый, появившийся из-за угла зеленой палатки с надписью «EMERCOM». – Ты почему пост оставил? Еще раз такое увижу, будешь как он.

И часовой понял, что тот имеет в виду не просто разбитую морду. По его глазам он догадался, что легко отделался, поэтому даже в мыслях не смел возмущаться из-за нанесенного увечья.

– Все, пошел. Бинт найди, фраер бесконвойный.

Вожак был бледный и исхудавший, но на ногах держался твердо – должно быть оклемался.

– Да выключите вы эту дрянь, в душу вашу мать.

Музыка быстро затихла.

Бурый втянул носом воздух, в котором ему опять почудился сладкий запах анаши. Он уже пару раз находил на земле закопченные кружки и пластиковые бутылки, шприцы, хотя диабетом вроде никто не страдал. Уже не раз он грозился выпустить всем нарикам кишки. Но с кем тогда он останется?

Пахан совсем не напоминал героев криминальных фильмов вроде «Бригады» или «Бумера», а выглядел обычным мужиком из рабочего класса. Спокойным, домовитым, в детстве троечником, во взрослой жизни середнячком. Но именно упорством, а не наскоком, он и привык всего добиваться. А самые борзые альфа-самцы обычно обламывают себе рога.

– Скоро зима, – продолжал втолковывать шедший за ним тенью Дедуля, пока они шли по погруженному в обычную суету лагерю. – Топлива мало. Урожай эти дармоеды соберут плохой, зуб даю. Надо сваливать.

– Куда?

– Найти себе деляну получше.

– Да где ж ее найдешь? Кто ее отдаст?

Но он и сам понимал: засиделись они на одном месте. Главная беда даже не в том, что дороги пусты, а самые умные давно просекли, что крупных автодорог надо избегать. Проблема – это даже не бабы, многие из которых беременны. Этак скоро у них тут ясли будут, а потом и детский сад. Настоящая закавыка была в том, что бандитская вольница не могла обеспечить себя сама. На фермеров его пацаны смотрели, как на говно под сапогами. В трех деревушках, которые они «доили», населения было столько же, сколько у них. А для нормального феодализма нужно хотя бы соотношение десять к одному. Добыча же от охоты с каждым месяцем становилась все скуднее, в подконтрольных деревнях старались спрятать последние крохи. И Бурый понимал: если надавить и потребовать все, что есть, тихие запуганные селяне встанут

на смерть. А это чревато ненужными жертвами. Если же не требовать, то скоро не хватит еды для боеспособных мужчин.

– Пойдем на север, к Новосибиру. Только это... балласт надо сбросить.

– Порешить, что ли? А потом как без баб? – Только Дедуля имел право и смелость возражать вожаку. – В монахи запишемся?

– Да не порешить, а здесь оставить.

Они оба понимали, что это почти одно и то же.

– С собой возьмем только новеньких, – продолжал главный. – Есть там симпатные. Остальные пусть ждут. Может, еще вернемся. Оставить можно и кое-кого еще. Например, этих дятлов желторотых.

– «И за борт ее бросает в набежавшую волну»... – просипел старый вор. – Ну ладно, пойду баньку организую. Надо помыться перед дорогой. Запаршивели уже все. И айда вещи паковать. Нищему собраться – только подпоясаться...

Вдалеке послышался звук мотоциклетных моторов.

– Погоди, похоже, разведка. Может чего нарыли.

Стоянка – или, лучше сказать, становище, – банды Бурого находилась в удобном месте километрах в десяти к югу от Бердска. Здесь они захватили готовый лагерь для беженцев, застав его прежних обитателей врасплох и перерезав, как кур, во сне. Так они заполучили теплые модульные палатки МЧС с обогревом, которые в собранном виде легко помещались в несколько грузовиков; генераторы и полевую кухню. Им ничего не пришлось достраивать. Лагерь стоял на возвышении, и когда снега сошли, его не смыло. А летом не досаждали расплодившиеся из-за вымирания естественных врагов комары и другие насекомые вместе с гнилыми болотными испарениями. Когда-то здесь был берег Обского моря и лодочная станция, но после разрушения плотины вода отступила, и даже половодье не вернуло ее к прежним берегам. Сильные ветра уносили гнилостные испарения, и пахло в лагере в основном лесом, а не тиной. По совокупности этих причин они и жили тут уже третий месяц.

А еще недалеко находилось пересечение двух автомагистралей, по которым то и дело отваживались пройти путешественники из смежных регионов – их подкупало обманчивое спокойствие в трех селах по соседству. Они не знали, что те деревеньки находились под патронажем шайки, давая ей кормежку и информацию в обмен на право жить. Правда, и спокойствие это было относительным, все равно, что на склоне вулкана Эйяфьятлайокудль.

Однажды сразу четыре семьи из самой удаленной от лагеря деревни решили сменить место жительства. Утром их соседям привезли к порогу рюкзак, из которого, как кокосы, высыпались головы тех, кто не сумел уйти от погони. У разбойников были в деревнях свои шныри.

До начала своей оседлой жизни банда долго носилась, как перекасти-поле, по дорогам Западной Сибири, оставляя за собой дымящиеся головешки и горы трупов. Грабили, убивали, не разбирая пола и возраста, но насиловали – разбирая, потому что за первые месяцы после начала Армагеддона успели насытиться вволю. Костяк банды составили заключенные одной ИТК, которым удалось проложить себе путь к свободе, несмотря на негласный приказ ликвидировать опасных заключенных при начале массовых беспорядков. Тогда же они захватили свое первое оружие.

Как ватага Стеньки Разина, банда то сокращалась до полусотни головорезов, то снова раздувалась до трехсот. Пару раз голод, болезни и удачливые конкуренты изводили ее почти под корень, но каждый сохранялось ядро, и она оживала, раздувалась.

Сейчас был как раз такой момент, когда после нескольких удачных набегов и одного тяжелого, но успешного штурма она была в зените своей мощи. Те, в ком видели родственную душу, вливались в нее качестве рекрутов. На самом дне находилось человек двадцать «неприкасаемых» для черных работ. Женщин было не меньше семидесяти. Но теперь оказалось, что в многочисленности не только сила, но и слабость.

Это был человек, неуместный в компании уголовников. Бурый всегда разговаривал с ним почти как с равным – и был рад, что тот без вопросов признает его лидерство. Наверно, остальные не пошли бы за человеком из другой культурной среды, который до войны слушал хардкор, а не шансон, но онто хорошо понимал, как этот кадр ценен. Это ему принадлежала идея их поголовной моторизации. Именно мобильность позволила бандгруппе существовать тогда, когда остальные одна за другой растворялись или гибли. Нет, они не носились по дорогам круглые сутки, сжигая бензин и паля из пулеметов, как головорезы Гумунгуса в фильме «Безумный Макс 2». Равнины Сибири это все-таки не пустыни Австралии, где даже после гибели цивилизации дорожное полотно долго простоит нетронутым. Тут перепады температур даже без ядерной зимы ломали асфальт даже не в считанные годы, а в считанные месяцы.

Но при необходимости они могли сняться с места всем табором и уже через полдня быть на другом конце области. Там, где уцелело дорожное покрытие, они появлялись из ниоткуда и так же исчезали, до того как местная самооборона, если таковая была, успевала собрать силы. Пока они были кочевниками, они не знали горя.

Зимой Волосатый виртуозно гонял на снегоходе, чему обучил и остальных. У него были бицепсы тяжелоатлета и абсолютно сорванная крыша. Он был невысокого роста, с короткими ногами кавалериста и широким, как бочка, торсом. Это он когда-то пытался пристрастить банду к силовым видам спорта, включая армрестлинг, хотя те не прижились. Но все успели понять, что он сможет уложить любого, даже не сбив дыхание.

– Волосатый, какой улов нынче?

– Немного, – бывший байкер снял шлем и стащил с заднего сиденья «Хонды» тяжелый тюк.

Бритый бугристый череп охотника за головами покрывала колючая щетина – прозвище осталось от прежних времен. Когда они его встретили, тот действительно носил заплетенные в хвост волосы и серьгу в левом ухе. Они хотели было без лишних слов отправить «неформала» с обрыва вместе с его мотоциклом, но он оказался местным, а среди беглецов как назло не было ни одного сибиряка.

Как ему удалось расположить бандитов к себе, не сказал бы теперь никто. От серьги он отказался сам, когда Бурый намекнул, что их носят или пираты, или геи. «И где твоя шхуна?» На этом компромиссы закончились. Мотоциклист до сих пор носил черный бомбер, весь исцарапанный и исколотый, про который говорил, что снял с убитого скинхеда.

Разговаривая, он имел привычку перекачивать в руке шарики от подшипника. Как-то раз дурачок, который целый месяц жил в шайке на положении шута, неудачно сострил про эти шарики и получил один из них в лоб.

Перекачивал он их и теперь. Парадоксально, но Бурый решил, что это хороший знак.

Второй мотоциклист – сухонький мужик с остроносым ястребиным лицом – развязал мешок.

– Вот, армяшку приволокли. Говорит, жил в каком-то поселке, надоело, ушел на поиски лучшей доли, мля, – ослабилась Волосатый, как фокусник кролика, вытащив из мешка за шкирку подростка лет пятнадцати. – Ну, говори дорогой, откуда куда путь держишь.

– Я уже все сказал.

Вряд ли мальчишка не понимал, куда он попал и что ему светит. Скорее, наоборот, отлично понимал, и это была не бравада, а истерика. Бурый и не такое в жизни видал. Вот и голос парня сломался, в конце фразы сорвался на писк

– А ты повтори, маргышка, – Волосатый занес было ногу, обутую в «Коркорен», для удара. Эти зализанные, с лакированным носком ботинки Бурый считал жутко непрактичными, для зимы они вообще не годились, но Волосатый любил шеголять в них. Неужели испачкает?

Не дожидаясь этого, Бурый его остановил. – Неа. Так дело не пойдет. Мы ж не звери. Как тебя зовут, пацанчик?

– Даниелян.

– Самый умный из армян, да? Что мне твоя фамилия... Имя у тебя есть?

– Армен.

– А я думал Ваня... Вот что, Армен, пошли с нами. Расскажешь побольше про ваш городок. Мы же соседи, в гости ходить будем.

Он положил руку ему на плечо и в сопровождении Деда повел в свою палатку, подмигнув по пути Волосатому. Тому нельзя было доверять такое тонкое дело как допрос. Сколько баб и рабов изувечил... Дедуля провернет это не в пример лучше. У него любой как Паваротти запоет.

Глава 7. УКП

Демьянов еще раз оценивающе посмотрел на сопровождавшую генерала тройку.

– Это и есть ваш спецназ ракетных войск?

– Батальон разведки и охраны, – ответил генерал. – С диверсантами из «Дельты» или с SAS столкнуться не пришлось, но думаю, не оплошали бы. Вообще, страна готовилась к войне намного серьезнее, чем это было известно дяде Васе перед телевизором. Но делать многое приходилось скрытно, как Германии после Версальских соглашений.

– Поздно спохватились, – сквозь зубы процедил майор, словно слова разбередили старую рану. – Когда враги за жопу начали брать, то есть за капиталы. Надо было лет на десять раньше. А после Ливии, Сирии и Ирана даже в Зимбабве всем уже было все понятно...

– Для начала надо прочесать город, – вернул его к обсуждению дел генерал, – Административные здания, конторы проектных институтов, военные комендатуры. Чувствую, придется от души порыться по «секреткам». Взломщик у нас есть, – он указал на одного из спецназовцев – мужика, похожего на маленького кабана-секача.

Тот вежливо кивнул Демьянову. Взломщик он ясное дело был не по компьютерной защите – на хакера не похож, но майор не сомневался, что ломать придется обычные сейфы из металла. Хотя неизвестно еще, что сложнее.

– Не думаю, что мы найдем бумагу, где крестиком обозначен вход, – продолжал Савельев. – Но по косвенным сведениям можно понять многое.

– Будем, значит, как шпионы выуживать информацию между строк.

– Да. А еще рыться по заброшенным зданиям среди гор трупов. Думаю, в этом у ваших людей больше опыта. Мои больше на противодиверсионную работу натасканы.

– Понятно, – хмыкнул Демьянов. – Ваши, выходит, солдаты, а мои – мародеры?

Генерал, похоже, именно это и имел в виду, так как знал историю их злоключений в Новосибирске.

– Прежде чем ехать в город, предлагаю поискать еще в одном месте, – вместо ответа сказал он.

* * *

Автомобили остановились, не заезжая на территорию того, что раньше было воинской частью. Демьянов и генерал с сопровождающими шли первыми, остальные за ними. Все были с надвинутыми капюшонами и в противопылевых респираторах. Хоть и негерметично, но работать не так мешает.

Дозиметрист, пошаманив над прибором, доложил, что уровень радиации не отличается от того, который он замерил в городе. Наземный взрыв годичной давности по сравнению со свежей утечкой из хранилища отработанного ядерного топлива значил не так много.

– Сюда! – генерал Савельев остановился перед поваленным забором и остатками железных ворот с кованной красной звездой, которую почему-то не сменили на орла. Вдалеке виднелись развалины нескольких корпусов. На бетонке, которая одна не пострадала от близкого взрыва, виднелись следы грязи от шин. Кто-то уже наведывался сюда после войны.

– Мы провели тут наверху поверхностный осмотр, – объяснил генерал, – Еще в том октябре, тогда был неслабый фон. Ничего ценного для нашей миссии здесь, скорее всего, нет, но заглянуть вниз нужно.

Они прошли мимо неприметного «сарайчика» в основании холма, на который гражданский человек обратил бы внимание в последнюю очередь, приняв за туалет. Здание было когда-то выкрашено в камуфляжную расцветку – остатки краски сохранились на квадрате стены за распахнутой в момент взрыва дверью... Это была гермодверь.

«Сооружение N1» – гласила табличка.

Внутри была каморка, действительно похожая на сельский «МЖ». Прелые листья, клочья размякшей бумаги, в закрытом от ветра углу – паутина без паука. Довершая сходство, в полу темнел прямоугольный люк. Деревянная крышка, обугленная и почерневшая, была приоткрыта и под ней виднелась круглая металлическая. Один из людей генерала дернул ее. На шее вздулись жилы, но люк не сдвинулся. Похоже, близкая взрывная волна перекосила сооружение.

Они вышли на свет и двинулись дальше, периодически проваливаясь в грязь по щиколотку.

– Осторожнее, тут вентиляционные шахты!

На территории части действительно было полно технологических колодцев и вентшахт, и не все из них были прикрыты. Демьянов не рискнул бы соваться сюда ночью или зимой.

Они поднялись на холм. Отсюда было видно, что внизу посреди серой бетонированной площадки размером с футбольное поле зияет пролом диаметром около двадцати метров, с загнутыми кверху вздыбленными краями.

– Противобункерным ударили.

Они прошли мимо простого деревянного креста.

– Это не мы сделали, – продолжал Савельев. – Когда мы пришли, тут живых не было, а он уже стоял.

Говорят, в окопах атеистов не бывает. Похоже, в ракетных войсках тоже. Но то, что у них была возможность почеловечески похоронить погибших, говорило, что уцелело довольно много народу. Уж точно не один расчет, который находился под землей. «Сооружение номер 2» оказалось зданием побольше. Здесь располагалась кухня, казармы, караулка, гауптвахта и еще какие-то хозяйственные помещения. Они прошли полуразрушенное здание насквозь, мимо комнат, где когда-то жили ракетчики. В конце коридора оказалась неприметная деревянная дверь с лаконичной табличкой «Потерна № 1» и лестницей вниз.

– Здесь кратчайший путь, но там воды по грудь. Вот, блин, стихами заговорил. Сейчас только пневмонии не хватало. Нам дальше.

Они вышли из здания с противоположной стороны. Следующее на очереди – сооружение № 3, «комната оператора». Домик без дверей, одни лишь узкие окна. В потолке по центру был люк на крышу, в углу вниз уходили бетонные ступеньки.

– В УКП можно было попасть из нескольких точек, – объяснил генерал. – Одна из них здесь.

Попрощавшись с естественным освещением, они зажгли фонари и начали спускаться. Внизу их ждала гермодверь, за ней оказался коридор, разветвившийся еще на четыре. В конце второго слева, куда они повернули по знаку генерала, была еще одна гермодверь. И никаких табличек, указывающих направление. Демьянов, который было подумал, что диверсанту не

составило бы труда пройти здесь, взял свои слова назад. Попади сюда иностранный диверсант, он бы хорошо поплутал. На створке надпись светящейся краской «Расчет задачу выполнил».

Сквозь дыру в потолке пробивался тусклый свет. На полу стояли лужи, поверхность воды была раскрашена во все цвета радуги. Переступая через завалы, они попали в коридор с кафельным полом. В конце его оказалась вторая герма, куда более мощная, которая, похоже, когда-то запиралась сервоприводами. Краска запузырилась от высокой температуры. Как и предыдущие, она была распахнута настезь. За этой гермой, образуя шлюз, находилась третья, такая же внушительная, а после нее – металлический «мостик», протянувшийся над пропастью. Все как один бойцы из Подгорного, проходя, смотрели сквозь решетчатый пол, но не видели дна.

– Осторожнее, не поскользнитесь. Ну, вот мы и на крышке, – объявил Савельев. – Дальше мы не спускались. Под нами находится шедевр советской науки и техники. Когда-нибудь поставим наверху монумент, а пока надо все там осмотреть.

Демьянов кивнул и тоже глянул вниз, посветив фонарем себе под ноги. Где-то очень далеко стояла темная неподвижная вода. Если бы Сергей Борисович боялся высоты, его бы замутило. Ограждения – одно название.

– Сейчас мы на «крыше» капсулы, – тоном экскурсовода продолжал генерал. – Командный пункт контролировал десять установок межконтинентальных баллистических ракет «Тополь-М». Раньше тут стояли пятнадцать-А-тридцать пять, по НАТОвской классификации СС-девятнадцать «Стилет», но их заменили четыре года назад. Точка была связана кабелями еще с несколькими, входящими в состав дивизии. Связь с округом и Москвой осуществлялась при помощи хорошо защищенных антенн. Запуск ракет можно было сделать отсюда, из округа или из Москвы. По ситуации. Но в нашем случае его сделали отсюда. Чтоб не изобретать велосипед, сам УКП построен как стандартная ракетная шахта метров сорок глубиной, внутри нее на амортизаторах подвешена двенадцатиэтажная металлическая капсула, тоже очень похожая на ракету.

На ракету из «Незнайки на луне» Носова, уточнил Сергей Борисович для себя, когда генерал протянул ему план. Демьянов не удивился, он знал, что на территории СНГ было минимум несколько заброшенных объектов такого типа. Тайны тут не было – все это давно облазили диггеры, в музеях стояли стенды с макетами таких командных пунктов. Но интуиция и память подсказывали ему, что этот чем-то отличается. Чем? Он не был специалистом, но размещение оборудования показалось ему странным. Слишком много электроники. Слишком сложная система охлаждения. Слишком высокая секретность. Слишком много «слишком».

На стенах висели лестницы, одни стационарные, другие с крючками. Переносные. Чтобы в случае обрушения стационарных, у личного состава оставалась возможность выбраться на поверхность через люк аварийного выхода. Рядом виднелись десятки ниш, там были технологические шахты, некоторые из них тоже служили для связи с внешним миром.

Под ними были двенадцать этажей, уходящих под землю.

– Конструкция способна выдержать прямое попадание ядерной боеголовки, – продолжал генерал. – Каждый уровень – круглая комната с оборудованием повышенной надежности. Три расчета дежурили в нем, сменяя друг друга, круглосуточно. Люди могли находиться под землей полтора месяца. Для этого тут был запас продуктов и всего необходимого. Собственно, не «был», а лежит на нижнем уровне. Его тоже можно взять, не оставляя же для археологов. Сдается мне, что он может оказаться единственной ценностью, которую мы тут найдем.

Снаружи по стенам тянулись километры проводов. Демьянову подумалось, что когда-нибудь в далеком будущем этот цветной металл, среди которого явно были и вкрапления драгметаллов – золото, серебро, платина – еще будет использован человечеством.

Справа от кричаще-желтой лестницы на стене крепились направляющие – тут был лифт, с помощью которого раньше можно было попасть на любой этаж капсулы. Но теперь лифта не было, и его предчувствие трансформировалось в уверенность.

– Считайте это маленькой тренировкой, – Савельев повернулся к нему, остальные не слышали их разговор. – Наша задача – найти любые сведения, относящиеся к Большому Ямантау. Но попутно каждый может принести килограмм 1015 полезного груза со склада НЗ. На рыло, так сказать. И польза, и испытание.

«Конечно, я предпочел бы взять более подготовленных, – говорил его взгляд, – но негде».

Демьянов оставил это высокомерие и безапелляционный тон на его совести. Сейчас не до выяснения отношений. Главное – освоиться, обкатать действия отряда в обстановке, приближенной к боевой. Конечно, то Ямантау, которое они ищут, имеет с этим бункером мало общего, но сходство все же было. И там наверняка двигаться по вертикали придется не меньше, чем по горизонтали. Да и иного света, кроме их фонарей, там тоже не будет.

– Вы говорили, что из ваших людей три человека работали монтажниками-высотниками, – напомнил генерал.

– Так точно. И один занимался альпинизмом, – подтвердил Демьянов. – Не промышленным, спортивным.

– Это пригодится. Лифт, как видите, заклинило на нижнем уровне, придется карабкаться по лесенкам, как мурашам. Но и это еще не все. Лестницы ниже первого уровня то ли обвалены, то ли срезаны, чтоб защитить матчасть от расхитителей. Поэтому первым придется спускаться, используя альпинистское снаряжение. И наводить, так сказать, переправу для остальных.

Майор был и к этому готов. Прежде чем прийти сюда, они прошлись по магазинам снаряжения для активного отдыха Межгорья. В городе их оказалось неожиданно много, с ассортиментом не беднее, чем в областном центре. Кое-что захватили с собой и из Подгорного.

– Зачет по последнему человеку? – спросил Демьянов. – А если кто-нибудь сорвется и сломает шею?

«Почему я ему верю, черт возьми? – подумал он. – А если они перестреляют нас по одному, как куропаток, на выходе? Может, и нет никакого супер-убежища, или есть, но эта синица в руках для генерала важнее, чем журавль в небе?»

– Запишем в боевые потери, – ответил генерал. – Все ценное, что вы там найдете, вы можете оставить себе. Само собой, то, что герметично.

«Не учите ученого. И не лепите горбатого, господин генерал. Дешево же вы нас цените. Мы что, по-вашему, наемники, или таджики-гастарбайтеры, которые работают «за жрать»?»

– Даже оборудование? – вслух спросил он. – А вы что, музей военной техники хотите открыть? – генерал усмехнулся. – Там электроника, но она совсем не нано и даже не микро. С собой не унести, да и незачем.

– Так она все-таки сработала? – внезапно спросил Сергей Борисович. – Система «Периметр», да?

Генерал молчал, и Демьянову почудилось в его глазах подозрение.

– Выходит, именно отсюда был запущен ответный удар? – Больше неоткуда, – ответил Савельев наконец. – Командную ракету... ту самую, у которой, грубо говоря, вместо боеголовки передатчик, они запустить сумели, это точно. А уже она, пролетая над районом боевого дежурства какого-то из подводных ракетносцев, могла подать сигнал. Но это только моя версия. Что касается «Периметра» и его автоматики... Она была отключена в том году, это точно, но не демонтирована до конца. Тут наверху ей целый институт занимался. Ее включить, конечно, не пять минут. Тут дело в том, что в руководстве страны давно было две фракции... Реальные, не имеющие отношения к опереточным партиям. Условно «пораженцы» и «оборонцы». Причем отдельные члены: и пешки, и даже крупные фигуры, перебежали из одного

лагеря в другой, как крысы, в зависимости от погоды на Олимпе. Доктрина «realpolitik»¹² во всей красе. В тот момент брали верх первые. Либерал-компрадоры называли систему «Мертвая рука» безнравственной, потому что она держала под прицелом те страны, где они планировали встретить безбедную старость. Но они не понимали, что сохранность их капиталов обеспечивала не нефть, а атом. И совсем не мирный... – он сплюнул. Чувствовалось, что эти мысли не давали ему покоя давно. – Только эта штука заставляла пиндосов даже во сне не вспоминать об «обезоруживающем ударе» и искать пути, как свалить Россию тихой сапой. Ничего не произошло бы двадцать третьего августа, если б она была в строю! Ни хрена! Ни единого пуска! Ведь даже если бы все, кто мог отдать приказ, были мертвы, она гарантированно наносила бы ответный удар... Когда осознаешь, сколько ума, сил и денег вложено в ее создание, кажется, что мы пигмеи рядом с нашими отцами. А они ее просто выключили, как электроплиту... Начнем, вы не против?

– Давайте. Нам еще надо успеть в Ямантау.

Через минуту Демьянов уже отдавал приказы командирам звеньев. Ему тоже хотелось посмотреть на то, что располагалось внизу, но в этот раз он должен был остаться на поверхности хотя бы с десятком бойцов для подстраховки.

* * *

Александр спускался, стараясь выдерживать общий темп, чтобы не мешать ни тем, кто двигался впереди, ни спускающимся следом. Только эта мысль – как бы не подвести товарищей – позволяла ему отвлечься.

С детства боязнь быть запертым там, откуда нет выхода, соперничала у него в душе только со страхом высоты, не доходя до уровня фобии, конечно. А здесь было и то, и другое. Он чувствовал спиной сквозняки даже через ткань костюма Л1. Почему-то ему вспомнились свои ощущения в погребке с мертвецами, где на него напала крыса. Правда, сам он с тех пор сильно изменился. Страх не было, только азарт от ждущей впереди неизвестности.

Металлические перекладыны даже не чувствовали его вес и, похоже, легко выдержали бы вдвое больший. Они были прочными и неподвластными ржавчине. Какая-то особая сталь? Титан? Он не знал. Теперь, спускаясь в темную яму, все свое внимание Данилов усилием воли сконцентрировал на уходящих вниз ступенях и ярком пятне от налобного фонаря, плясавшем на гладких бетонных стенах огромного колодца и отражавшемся от металлических труб, проводов и штуквин, назначения которых он не знал. Он представил, как видели окружающий мир обитатели капсулы – если смотреть изнутри, за дверью была только узкая металлическая дорожка, ведущая вдоль окружности шахты. Каждый «этаж» – круглая комнатенка, не больше, чем купе поезда. Есть много американских фильмов про то, как пилот стратегического бомбардировщика или офицер на командном пункте сходит с ума и начинает Третью мировую. Хотя, это, конечно, художественное преувеличение. Сюда подбирали тех, кто не сломался бы от этой ноши и не дрогнул в нужный момент.

Эти и не дрогнули.

Но полностью освободить голову не получилось. Чем больше Александр смотрел на это чудо, тем больше изумлялся: как эту здоровую дуру держат в воздухе толстые тросы-амортизаторы, пусть и как две его руки каждый. Некоторые из них порваны и висят, как дохлые змеи. Должно быть боеприпас, проделавший такую дыру в бетонной крышке, хорошо потрянул эту конструкцию.

¹² Realpolitik (нем. Реальная политика) – вид государственного политического курса, сущность которого состоит в отказе от использования всякой идеологии в качестве основы. Такая политика исходит прежде всего из практических соображений.

Сама «ракета» отклонилась от вертикали градусов на десять, и это било по нервам – даже на этажах безопасность обманчива, все неприкрепленные к полу предметы валяются, того и гляди споткнешься и вылетишь через дверь, за борт.

Стоит ли говорить, как страшно было на кольцевых площадках...

Чтобы заглушить страх, он думал о чем-то отстраненном. В Сашиной голове восторг перед инженерным гением его народа мешался с неприятием чего-то фундаментального в человеческой природе. Эти бы средства да вложить в народное хозяйство... А если вообще все армии распустить, сколько освободилось бы и сырья, и рабочих рук, и денег, и умов. Сколько сбереглось бы жизней даже в «мирное» время, когда не было крупных войн, только локальные заварушки. Можно было десять Африк накормить так, что лопнут, на четверть военного бюджета сверхдержав.

В самом существовании оружия массового поражения есть что-то дьявольски неправильное. Однако он давил этого стихийного пацифиста в себе, как клопа, как прыщ на лице. Заставлял того вспомнить, у кого первым появилась атомная бомба и кто не долго думая ее применил. И что единственная альтернатива такому неприятному и грязному делу как драка – это добровольно пойти в рабство.

На шестом уровне, где уже не погуляли так, как на верхних пяти, огонь и взрывная волна, Данилов споткнулся о металлический ящик, похожий на первую ЭВМ, лежащий поперек комнаты, и повалился на него. Чертыхаясь, вскочил. Что-то хрустнуло у него под ногой. Платы, похожие на старые видеокарты, лежали на грязном полу, где до него пробежали уже десять человек. Пожал плечами, глядя на расколотые транзисторы в паутине проводков... или резисторы, леший их разберет. Здесь уже все было осмотрено до него, надо было идти дальше.

Когда они выбрались на поверхность, небо было затянуто тучами. Похолодало, но с них катил градом пот.

В рюкзаках у каждого было по несколько запакованных рационов неприкосновенного запаса – они были не в том положении, чтоб игнорировать даже такие трофеи.

Как и говорил генерал, на нижнем уровне, где три офицера 23 августа сумели запустить многоступенчатый механизм ответного удара, не оказалось ни клочка бумаги, не говоря уже об электронных носителях. Если что-то и было, это уничтожили. В развалинах наверху, там, где ветер давно разворошил пепел, после детального осмотра нашлась пара сейфов, но и в них не оказалось ничего похожего на схему расположения соседнего объекта, который Демьянову уже казался вымышленным, несмотря на рассказ старого метростроевца. Мало ли, вдруг там действительно урановый рудник...

Похоже, в подземном комплексе ничего не знали о другом, находящемся на расстоянии меньше двадцати километров, но относящемся к другому ведомству.

Оставалось планомерно обыскивать город, где они наметили для себя уже около тридцати зданий, могущих представлять интерес.

* * *

Так получилось, что Данилов был в составе звена, на счету которого оказалась первая находка. Прочесывать город начали с самого КПП. И там же на въезде в город поисковики, привычные к работе «расхитителей гробниц», у которых глаз наметан на поиск именно таких вещей, обнаружили первую ниточку.

Почему эта «Волга» привлекла внимание Данилова, он и сам не знал. Не черная официальная, а несерьезного кремового цвета. И все же что-то в ней было такое, что заставило его остановиться, выделить из длинной вереницы застывших автомобилей.

Данилов заглянул внутрь через покрытое паутиной трещин стекло.

Водитель. Ссохшаяся мумия. Пассажир на заднем сиденье. Этот когда-то был полным, поэтому запашок в салоне еще стоит. Рядом на полу раскрытые документы с красными корочками. Должно быть, приготовил, чтобы предъявить на въезде в город. На коленях портфель. А там – не то бумаги, не то ноутбук, не поймешь. – Идите сюда! – крикнул Александр.

Он потянул за ручку и открыл дверь – хорошо, что не заперто изнутри. Наклонился и подобрал удостоверение. На двуглавый орел с короной над щитом. А в самом щите, раскрашенном под триколор – держава, символ царской власти.

– ГУСП, – прочитал, опередив Сашу, Петрович. – Главное управление специальных программ президента.

– Это они новые «Калины» раздавали? – попытался Данилов вспомнить программы, с которыми ассоциировалось имя президента. – Или компьютеры с вай-фай ставили в сельские школы?

– Не думаю, что «Калины». И явно не компьютеры с вай-фаями. Я слышал о них. Эта организация курировала строительство и обслуживание защитных сооружений для высшей государственной власти. Короче, прокалывай дырку под орден!

Естественно, ордена ему не дали, да и находка, насколько он узнал, не дала ключика к местонахождению «Волшебной горы». В портфеле были бумаги, и все они, как и их хозяин, сгнили до невозможности провести идентификацию. Уцелели только заламинированные «корочки». Но Данилов видел, как этот случай ободрил всех, показав, что они на верном пути, а это тоже что-то да значило.

Пассажир из «Волги», судя по документам, был важной шишкой, чья должность соответствовала званию генерала. А еще ГУСП никаким образом не связан с военными объектами ракетных войск. Этим объяснялось и полное отсутствие информации в штабе дивизии о том, что находится в горе.

Большого Саша так и не узнал, а через два дня они сменили район поисков и покинули Межгорье, перебазировавшись на территорию заповедника.

Часть 2

Твердыня

*Now I see fire, inside the mountain
I see fire, burning the trees
And I see fire, hollowing souls
I see fire, blood in the breeze
And I hope that you'll remember me*

I See Fire (c) Ed Sheeran

Глава 1. Логово

Следующая находка ждала их на склоне горы, уже на территории заповедника, в двух километра от поста егерей, который выглядел так, будто дежурство на нем велось уже после наступления холодов. Сами подозрительно хорошо вооруженные егеря в количестве четырех человек были убиты все как один выстрелами в голову.

А чуть позже один из разведчиков, разглядывая в бинокль гору, заметил металлический блеск на одном из склонов, на высоте приблизительно триста метров над уровнем, на котором располагался город.

Соблюдая все меры предосторожности, они поднялись на каменный карниз. И им повезло. Это оказалась обычная литровая фляга. Когда-то она имела тканевое покрытие, но то ли огонь, то ли вода, очистили ее. Казалось бы, пустяковая находка, мало ли откуда текущие с гор потоки в половодье могли ее принести. Во время ядерной зимы и на вершинах пониже Ямантау были снежные шапки. Но в десяти метрах им попался еще один металлический предмет – крышка открытого люка. Им повезло, что они пришли сюда осенью. Зимой она оказалась бы погребенной под снежной толщей, после оттепели – под наносами грязи, а летом ее скрыли бы травы.

Они уже было обрадовались, что нашли вход, но сооружение оказалось всего лишь долговременной огневой точкой. Эта штука, которая в стратегической игре называлась бы «Defense tower» была расположена архиграмотно. Отсюда с возвышения ее расчет мог контролировать дорогу, ведущую от заповедника к Межгорью. Если смотреть отсюда, то прицеливанию не помешало бы ни одно дерево и ни один бугор на местности, и на пару-тройку километров никто не смог бы к ней приблизиться.

Над землей торчала только бетонная крыша, раньше наверняка прикрытая слоем дерна. Рядом прямо в жухлой траве чернел зев люка, куда вела металлическая лестница. Внизу оказалось помещение, где с горем пополам могли сидеть несколько человек. Стены были иссечены осколками, а под ногами лежали изломанные разорванные тела – даже не сразу поймешь, два или три. Кости раздроблены, хотя звери сюда, похоже, еще не добрались. Не иначе, гранату кинули сверху. Но кто люк-то открыл? Теперь уже картину было не восстановить. Боекомплект пулеметов был наполовину израсходован, гранатомета – нетронут.

Разведчики с великой осторожностью спустились вниз, осмотрели и простучали каждый квадратный метр стен и пола, но тщетно. Небольшой бункер никак не тянул на убежище для первых лиц, а хранившийся в нем запас питьевой воды, консервов, галет и средств индивидуальной защиты – на государственный резерв.

– УОС «Горчак»¹³ – произнес Демьянов, а генерал кивнул.

На всякий случай пол просветили металлоискателем, держа в голове, что даже такие оборонительные сооружения могли сообщаться с основным бункером системой тоннелей, но и это ничего не дало.

Кругом должны были быть еще такие. И, слава богу, если все они так же мертвы.

Поиски осложняло и то, что подходы к такому важному объекту вполне могли быть заминированы. Причем если мины расставили уже после катастрофы, то ставить предупреждающие знаки никто бы не стал.

* * *

Как ни береглись они, как ни проверяли каждый квадратный метр почвы миноискателем, а все же дошли до цели не все.

Прежде чем они вошли в потенциально опасную зону, один из спецназовцев проинструктировал их, чтоб шли след в след, как утята за матерью. И только там, где размечено саперами. Все только кивнули с серьезными лицами – мол, плавали, знаем.

Но, как оказалось, и на старуху бывает проруха. Замыкающий – немолодой уже мужик из Подгорного, не салага, служивший в Первую чеченскую, почему-то вздумал на одном участке срезать путь. Вряд ли засмотрелся на дьявольски красивый вид с горы Ямантау. Может, закружилась голова – они были уже довольно высоко – и после ядерной зимы здесь уже чувствовалась разреженность атмосферы.

Данилов, который был двадцатым с конца шеренги, метрах в пятидесяти вверх по склону, услышал хлопок, который принял за выстрел. Видел облачко пыли или дыма, стук не то камней, не то осколков и крик, переходящий в леденящий кровь рев. Так ревет попавший в капкан медведь. Следом Александр услышал возгласы тех, кто шел позади, обернулся, приподнялся над каменной осыпью.

Живой обрубок, человек без ног, сучил тем, что осталось от них, на горной тропинке; жухлая трава вокруг была вся красной.

Потом Саша узнал, что мужику наложили жгуты и дали обезболивающее, но через десять минут он умер. В 94-ом он вместе с другими молодыми призывниками штурмовал Грозный со стороны Ханкалы, но тогда судьба к нему была благосклонна. А теперь почти в географическом центре России неожиданно-негаданно он нашел свою смерть.

«А что бы мы с ним делали, если бы он выжил?» – подумал Александр, когда они снова тронулись в путь, выкопав на склоне неглубокую могилу. Подумал без цинизма, хорошо понимая, что на его месте мог бы быть он сам. Что подделаешь, жизнь такая штука, что живым из нее не выберешься. А когда понимаешь, что все мы здесь смертники с отсрочкой исполнения приговора, начинаешь проще ко всему относиться.

Иначе, чем чудом, нельзя было объяснить, что больше за время поисков никто не погиб. Саперы генерала обезвредили еще четыре мины, местность плотно была ими «засеяна».

Вентиляционный ствол отыскался в километре от недавно обнаруженного ДОТа, замаскированный под естественный холм, который сразу показался Демьянову слегка выбивающимся из ландшафта.

Разбрасывая искры, плазменный резак вгрызлся в решетку, но сварщик долго не мог справиться с особо прочным сплавом. Остальные держались поодаль – ни к чему рисковать всем.

¹³ Универсальное огневое сооружение (УОС) «Горчак» – типовая долговременная огневая точка с пулемётным и гранатомётным вооружением. Защита способна выдерживать прямое попадание артиллерийского снаряда.

Металл темнел, покрывался вмятинами, но не поддавался. Это уже были не бутафорские заграждения, призванные отпугнуть или задержать бродяг, журналистов, туристов и самозванных «сталкеров». Тех из них, кто сумел бы обойти кордоны «егерей» с корочками Федеральной службы охраны и снайперскими винтовками. Эти ставились против тех незваных гостей, которые знают, зачем идут.

Майор допускал, что их передвижения фиксируют камеры и датчики. Но деваться было некуда. Может, средства слежения и исправны, но живы ли те, кто сидел перед мониторами и принимал данные телеметрии? В этом он отчего-то сомневался.

Если быть честным, ему больше нравилась мысль, что живых внизу не осталось. В противном случае им вряд ли понравится вторжение.

– Где они брали энергию? – произнес Демьянов, глядя на неподвижные лопасти огромного вентилятора, который виднелся внизу, по ту сторону решетки. – Это ж сколько соляры надо сжечь.

– Думаю, дизель-генератор тут не при чем, – ответил Савельев. – Тут что-то посерьезнее. Геологический характер района не позволяет зафигачить геотермальную станцию... если они не прокопались до мантии, конечно. Поэтому рискну предположить, что внизу работал ядерный реактор малой мощности. А может, и немалой. Если они строили в городе наверху очистные сооружения с таким запасом, под триста тысяч человек, то должны были подумать и о снабжении энергией на перспективу. Не вечно же там сидеть.

– Вы серьезно? – переспросил Демьянов.

– А почему не быть реактору? Этот Ноев ковчег в горе Арарат поболее, чем ледокол или подводная лодка. А реакторы даже на небольшие эсминцы ставили. Эти ребята ведь собирались сидеть там не неделю. И тут кругом столько гранита для экранирования, что на глубине можно хоть нейтрино исследовать, не то что энергоблок поставить...

Понадобился почти час, чтобы справиться с двойной решеткой. И это было не последнее препятствие. На глубине пяти метров воздухозаборник отсекался стальной плитой, по виду мощной, как палуба авианосца.

Демьянов с генералом смотрели, как быстрым шагом возвращаются саперы. В городе, где всю велись горные работы, они легко нашли взрывчатку, но рассчитать заряд надо было грамотно. Переусердствуй, и можно устроить обвал.

Они были достаточно далеко, и все-таки грохот ударил по ушам. Землю слегка трянуло, на КПП «егерей» посыпалось непрочно державшееся в раме стекло. Хорошо, что в Межгорье не осталось никого, кто мог бы задаться вопросами.

Когда пыль немного осела, даже без бинокля они увидели, что с холмика сдуло фальшивый дерн, и он оказался искусственным сооружением, приземистой тумбой из блоков. В центре был черный колодец четыре на четыре метра, и ничего похожего на лестницу для спуска в ствол, глубиной триста пятьдесят метров. Отвесные стены без единой шероховатости. Здесь уже пригодится и снаряжение, и все те навыки, которые они опробовали в обезлюдевшей ракетной части. В первую вылазку вместе с людьми генерала пошли только те разведчики из Подгорного, которые имели опыт скалолазания.

Сначала было решено спустить на веревке небольшую видеокамеру. Демьянов и Савельев остались у колодца, остальные отошли чуть дальше. Несколько раз спускаемый груз наткнулся на преграду, и каждый раз им, то немного вытягивая, то снова вытравливая веревку, удавалось спустить ее еще глубже.

Но когда они вытащили ее из казавшейся бездонной пропасти, камеры на ней не было. Когда это случилось – было неясно. Масса устройства была почти незаметна по сравнению с массой самой веревки. Но очень неприятным им показалось то, что конец шнура выглядел не оборванным, а оплавленным.

* * *

И все же кому-то надо было лезть вниз.

Майор прислушивался и смотрел в черный колодец, глядя, как натягивается под тяжестью спускающихся нейлоновая альпинистская веревка.

«И молвил он, сверкнув очами: – Вперед, орлы! А я за вами...» – вспомнил Сергей Борисович. Сам-то в безопасности, пока они рискуют...

На каждом из бойцов поверх защитных костюмов был страховочный пояс и специальная обвязка, при падении распределявшая давление по всему телу.

Из первой вылазки разведгруппа вернулась, слава богу, в полном составе. На глубине всего в двадцать метров обнаружился необитаемый технический этаж, назначением которого была вентиляция и отвод грунтовых вод. И если главный вентилятор не работал, то здесь все не было обесточено и функционировало. Все системы были сконструированы так, чтоб не нуждаться в человеческом присмотре, а энергия, вероятнее всего, поступала от солнечных батарей, размещенных где-то наверху.

Теперь уже ни у кого не оставалось сомнений – они в шаге от цели...

И всего через пятнадцать минут после того, как последний из бойцов скрылся из виду, спускаясь в неизвестность во второй раз, внизу тяжело загрохотали выстрелы.

Через два часа, которые показались Демьянову сутками, над бетонным коробом показалась бритая голова старшего из спецназовцев. Он довольно скалился, рассказывая о том, что им удалось разведать. Демьянов понимал, что устраивать плач Ярославны по подорвавшемуся утром на mine тот не будет. Кто для него незнакомый ему лично человек из далекого Подгорного?

Зато, если раньше шарахались как ежики в тумане, то теперь шли как волки по следу. Просто так никто не будет устраивать подобные подлянки. Тем самым неизвестные защитники этой норы себя выдали с головой.

Потные и грязные, один за другим выпрыгивали из норы остальные.

– Спустились до самого дна. Из трех горизонтальных штреков, которые нам попались, два – обычные горные выработки, голый гранит, закрепленный временной металлической крепью. А вот третья, на глубине минус двести метров – уже интереснее. Там не просто крепь, а постоянная обделка, как в метро, и рельсы проложены.

Демьянов сначала не поверил своим ушам. Рельсы? Под горой? Но в этот момент его больше интересовало, что это была за стрельба.

– Сколько вы убили местных? – спросил он. – Нисколько. Это была автоматика.

На глубине восьмидесяти метров, видимо, кто-то прополз мимо фотоэлемента. И расположенная в углу конструкция, похожая на паука, начала без единого скрипа разворачиваться в их сторону.

Спускавшийся первым один из бойцов генерала снял рюкзак, метнул прямо в странную штуку, лямки зацепились за металлический кронштейн, и плотная ткань закрыла чувствительный глазок камеры. Следуя интуиции, боец разжал руки и, пролетев вдоль троса, повис двадцатью метрами ниже на страховочном поясе, успев крикнуть остальным, чтобы не спускались следом.

Вверху начал плеваться свинцом пулемет. Дрянь стреляла еще долго, пока не кончился боезапас.

Вторая сработавшая ловушка оказалась еще злее.

На отметке примерно в сто метров из форсунки на стене плюнуло едкой напалмообразной дрянью, которая в мгновение ока вспыхнула. К счастью, наученные горьким опытом,

теперь первым спускали «муляж» человека в виде набитого тряпками рюкзака. Он и сгорел дотла, а хитрая ловушка оказалась очень хрупкой к ударам прикладом.

Демьянов представил, что могло случиться, если бы не эта мера предосторожности. Как запах горящей плоти наполнил бы колодец, несмотря на сильную вертикальную тягу. Как вопль обожженного быстро бы стих, а он полетел бы вниз комком обугленной плоти, как птица, попавшая в реактивную струю.

И все же это было в первую очередь психологическое оружие. Оно должно заставить повернуть назад тех, у кого хватило смелости дойти до этой точки.

Кто знал, сколько внизу таких же?

Но они лезли дальше, вжимаясь в стену, пока на глубине ста метров не нашли еще один, на этот раз обитаемый уровень. Вернее, раньше он был обитаемым. Тот самый, с бетонными стенами и рельсами.

В караулке, которая находилась у самой вентшахты, новую дань человеческой жизнью с них чуть не взяла «растяжка» – обычная граната Ф-1, привязанная проволочкой к двери. Там же удалось найти терминал, управляющий системами защиты. Оператора не было, свет не горел, но монитор работал и тепловизионная камера передавала изображение из вентшахты. И, судя по надписям на экране, система защиты была активна.

«В активном поиске» – как писали раньше в своей личной информации в социальных сетях не обремененные семьей люди.

Они исправили это, отправив механизм на покой, выведя из строя заодно еще пару адских машин, которые пока не дали о себе знать...

– Рельсы, – продолжал рассказывать спецназовец. – Обычные рельсы, не узкоколейка. Прошли метров триста в западном направлении, уперлись в завал. Похоже, искусственно сооруженный. В восточном прошли почти три километра. Судя по движению воздуха, там близко выход.

Демьянов понимал, что это шанс. Даже если остальные и смогут спуститься этим путем, никакой груз они вынести не смогут. Поэтому тот тоннель надо обследовать в первую очередь. Вдруг он вел к другому выходу на поверхность, с которого им будет куда сподручнее попасть внутрь?

* * *

Километрах в пяти к западу от Центрального микрорайона Межгорья, практически в лесу, находилась станция, на которой давно не останавливались поезда. Во всех справочниках она значилась как недействующая. Само здание станции – обычное, как на тысяче других пригородных полустанков – было закрыто на висячий замок. Рядом, вписываясь в лесной ландшафт, были разбросаны несколько ангаров, складов и депо. Это здание почти ничем не выделялось на их фоне и, как и другие, было недавно обшито зеленым пластиком, уже успевшим потемнеть. Но металлическая крыша, отмытая дождями, даже сейчас бликовала на солнце, словно ее специально надраили к их приезду. Здание имело отдельные подъездные пути, и отдельная ветка железной дороги шла к нему, закрытая от посторонних глаз железным забором. В этом закрытом городе каждый третий успел поработать на том или ином объекте со специальным допуском, поэтому все понимали значение слова «режим», и куда попало не лезли. И если возникла потребность в таких исключительных мерах, значит, на то были причины.

Ничего похожего на сторожевые вышки они не заметили, но это и понятно: большей демаскировки для действительно секретного объекта, который должен иметь вид гражданского, не придумаешь. – Первый, мы вас видим, – внезапно заговорила рация генерала. – Четко и контрастно. Можем даже выражение на лицах разобрать.

– Давайте быстрее, а то вам не понравится мое выражение, – буркнул он.

Даже если это было преувеличением, система видеонаблюдения оказалась на высоте. Здания было почти полкилометра.

Группа, успешно проникшая в катакомбы Ямантау через вентиляционную шахту, вышла на связь в назначенное время. Без потерь и даже без заметных трудностей они сумели найти мотодрезину и схему тоннеля, а затем доехать по нему до точки, обозначенной как «Гейт». И только выбравшись наверх, они поняли, где этот гейт находится.

– Не пугайтесь, здесь много «двухсотых» железнодорожников. Открываем ворота и ждем вас.

При слове «железнодорожники» Демьянов представлял себе слоноподобных теток и угрюмых пропитых мужиков в оранжевых жилетах, но не молодцеватых ребят с АЕКами, в бронежилетах и с четырьмя бронеавтомобилями. Впрочем, и это не помогло, когда к ним пришла невидимая смерть, следы которой уже встречались в городе.

Электромоторы заработали, и желтые ворота депо беззвучно разъехались в стороны, за ними точно так же открылись еще одни. Здесь их уже ждали волкодавы генерала, взявшие на себя командование группой проникновения.

Миновав непонятно для кого предназначенные предупреждающие знаки, отряд оказался внутри. Бойцы шли уже не в походном порядке, а в боевом, хотя здесь все и было разведано. С этого момента бдительность нельзя было терять ни на секунду.

Как оказалось, бригада постоянной готовности 4-ого железнодорожного корпуса со штаб-квартирой в Екатеринбурге была представлена тут целым батальоном, но тот не успел сделать ни единого выстрела. Было даже неловко грабить этих людей, которые честно выполняли свой долг, но их вооружение помогло бы и выполнению задачи, и, впоследствии, Городу. Даже у тех, кто выглядел в этом здании как обычный работник ж/д, оказалась при себе кобура с табельным оружием. Вскоре было найдено и тело начальника особой станции (он тоже относился к МВД), а также опись находящихся здесь грузов. И если само Межгорье все-таки немного пострадало от мародеров, то до депо они не добрались.

Вооружать людей непривычными для них автоматами майор не стал, но распорядился все собрать скрупулезно. Много боеприпасов и нужных вещей пополнили вещевые мешки. Даже если они не найдут больше ничего, это останется с ними.

В депо стояло десятка три вагонов, некоторые из которых были закрыты маскировочной сетью. Не все они были пусты, как уже знал майор, и некоторые прибыли на станцию буквально за день до катастрофы. Но не это было самым интересным.

В самом углу депо оказалась отгороженная секция. Именно сюда провели командиров разведчики. Здесь на погрузочной площадке примостилась самоходная дрезина АСГ-30, на которой разведчики приехали из тоннеля. Закрывавшие его гермоворота были открыты, пути со стандартной шириной колеи уходили под землю. Рельсы утоплены в бетон: при необходимости по тоннелю можно было проехать и на автомобиле.

Демьянов смотрел на пандус, на черный зев неосвещенного тоннеля. Вдохнул носом воздух и прошел два десятка метров по бетонной дороге в подземелье, глядя на непривычно резкие линии тубинга. Похоже, чтобы снизить действие взрывной волны.

«Так вот ты какая, настоящая Ямантау»...

На чем ехать в тоннель, долго раздумывать не пришлось. На станции оказалось средство, подходившее для этой задачи идеально. Демьянов думал, что разбирается в железнодорожной технике, но никогда не слышал о таких.

Это была автотрасса – самоходный вагон, а точнее даже два, сцепленные вместе. Выкрашен «тяни-толкай» из двух локомотивов, соединенных герметичным переходом, был в маскировочный цвет. Остекления не было даже в кабинах машиниста, буфер явно мог столкнуться с дороги даже средний грузовик, а мог и принять на себя взрыв фугаса. Броня была не гладкой, а ребристой (что-то вроде стелс-технологии?), и не имела ни единой щели. Похоже, здесь

круговой обзор тоже достигался с помощью видеокамер. Горб на крыше вполне мог вмещать пулемет, а весили бронелокомотивы наверняка как пара обычных.

Дверь в центральной части одного из них была приглашающе распахнута, подножка, как в пассажирских вагонах – опущена. Рядом беспорядочной грудой лежали несколько тел в камуфляже.

Вообще-то настоящих бронепоездов, как во времена Гражданской и Великой Отечественной, в России давно не было. В ходе двух чеченских войн применяли только импровизированные. У них были легкобронированные вагоны и локомотив, зенитные орудия ЗУ-23-2. Автоматические станковые гранатометы и пулеметы ставились на железнодорожные платформы, расчет защищал бруствер из мешков с песком. Чтобы уж совсем осложнить «духам» жизнь, на платформы ставились танки и боевые машины пехоты. Применялись эти спецпоезда, имевшие собственные имена, для чисто оборонительных целей на магистралях. Еще была пара бронепоездов на Дальнем Востоке, остались в наследство со времен напряженных отношений с Китаем. Но все их давно разоружили и списали за ненадобностью. А тут пахивало новой разработкой.

«Поезд президента», как окрестили они его при первом взгляде, внутри не оправдал таких ожиданий. Ни кожи, ни бархата, ни золота, ни картин в коридорах, ни конференц-зала на пятьдесят мест. Все утилитарно и похоже на обычный пассажирский вагон средней комфортности, только хорошо защищенный. До поезда Ким Чен Ира ему было далеко. Демьянов предположил, что он был создан для значимых лиц государства, если не для первых. Но явно не для военных нужд, а скорее, для гражданской администрации, когда она выберется из своих нор в послевоенный мир.

Разведчики между тем снова уехали в темноту, скупой отрапортовав об увиденном, перекурив, поев и, к неудовольствию Демьянова, перекинувшись несколькими фразами с одним только генералом. Исследование подземной железной дороги лишь начиналось. Примерно в двух километрах к востоку от вентиляционной шахты пути разветвлялись, и бог знает, насколько далеко тянулась каждая из двух веток.

Волкодавы из охранного батальона начали проверять одну и проехали столько, сколько могла преодолеть дрезина за двадцать минут.

Поиски осложнялось тем, что у них не было ничего похожего на схему. Это все равно, что археологу будущего исследовать запутанное Лондонское метро. А еще пришлось забыть про обычную радиосвязь. Имевшиеся у них рации для подземной связи не подходили, но даже те, которыми их снабдил предусмотрительный Савельев, давали устойчивый прием только на расстоянии до трех километров. Местный гранит очень хорошо экранировал радиоволны.

В автоматическую производственную «Уралвагонзавода», как звалось, чудовище, отряд поместился весь. Еще два часа заняло маневрирование и сцепка – к бронелокомотивам прицепили несколько грузовых вагонов. По настоянию генерала Савельева это были четыре платформы и столько же крытых вагонов. Демьянов боялся, что размеры последних не позволят им войти в портал тоннеля, но тот оказался гораздо шире, чем обычный метрополитеновский.

После того как закончили заправлять локомотив и зарядили аккумуляторы, состав двинулся с места ровно и плавно, быстро набрав скорость.

* * *

«Гейт». Ворота. Врата.

Данилов повторил и так, и эдак слово английского происхождения, одновременно знакомое и незнакомое. Почему-то оно ассоциировалось у него только с вратами ада. Не лучше были ассоциации и со словом «портал».

Судя по интервалам, через которые пролетали мимо опорные балки, он на глазок оценил их скорость в семьдесят километров в час. Значит, скоро они должны быть на месте. Не могут же эти катакомбы пролегать под всем регионом? Субъективно ему казалось, что они едут сквозь темный тоннель на восток уже много часов.

– А что в западном? – спросил Данилов товарищей.

– Сплошной завал. Похоже, подорвали его. Да и зачем нам в Москву? – хмыкнул Петрович. – Думаешь, там лучше, чем здесь?

Их звено расположилось не в автмотрисе, а во втором вагоне, обычной теплушке, где раньше перевозили не то бумагу в рулонах, не то еще что-то. Спали на полу, туалетной комнаты не было. Кто-то даже хотел запеть блатную песню про «стольпинский вагон», но остальные не поддержали.

Ехали долго. Столько, что Саше при его непритязательности, хватило бы, чтобы отоспаться. Это было разумно, учитывая, что по прибытии времени для сна может не выпасть долго. Но спать совсем не хотелось. За крохотными смотровыми окошками в полной темноте, которую прорезали только отблески огней локомотива, пролетали метры бетонных стен тоннеля, однообразие которых нарушали только трубы и кабели, кабели и трубы. Здесь внизу все поражало своей капитальностью и ухоженностью. Ни трещинки, ни потека ржавчины. Теперь они точно знали, что и разобранная узкоколейка, и бывшая обогатительная фабрика, и заброшенные строения воинской части на горе Ямантау, которые до катастрофы успели заснять сотни туристов – были не более чем бутафорией. И если в городе наверху витал дух запустения, то здесь внизу все содержалось в идеальном порядке. По крайней мере, до войны, поправил себя Саша.

Внезапно вагон резко, со скрежетом и скрипом остановился. Если бы у них были верхние полки, кто-то мог бы попадать с них.

– Приехали, – проворчал Петрович.

– Пойду, узнаю, что у них там, – Дэн поднялся с места и направился по проходу между лежащими на полу или сидящими на чем попало людьми.

– Всем на выход, – передали по цепочке из первого вагона.

Дверь ушла в сторону, в полутемный вагон проник свет.

Бойцы брали оружие; те, кто разулся, быстро обувался, продевали руки в лямки рюкзаков и выходили из вагонов. На станцию метро. Не хватало только светящегося табло с отсчетом времени до прибытия нового поезда и схемы маршрутов. Иллюзия была полной.

Подошел черед Александра, и он, не теряя времени, спрыгнул на бетонный перрон, размеченный флуоресцирующей краской. Перрон находился от дверей вагона на расстоянии тридцати сантиметров и значительно ниже, но тут уж было не до комфорта.

Воздух был сухой и лишенный запаха. Он не был застоявшимся – ощущалось его движение в направлении сердца подземного комплекса.

– Похоже, их строили, как старые ветки Московского метрополитена, с расчетом на естественную вентиляцию, – услышал Саша слова Дэна. – Воздуховоды работают за счет разницы давления. Иначе тут дышать было бы проблематично.

Недостатка кислорода не ощущалось, Данилов мог в этом поклясться. Прикинув, сколько они едут под уклон, Саша сделал вывод, что над ними уже не десятки, а сотни метров породы. От этой мысли ему стало неуютно, но не более чем от отсутствия туалета. Вернее, тот мог и быть, но их звено пока не отпускали с бетонного пятка возле перрона.

– Очешуешь...

– Вы сюда посмотрите.

Иллюзия, наделившая незнакомые вещи чертами привычных, рассеялась. Станция была грузовой, а не пассажирской, и имела мало общего с благоустроенной подземкой.

Лучи прожекторов вместе с фарами локомотива разогнали темноту, пересекаясь высоко под потолком. Где-то высоко над их вагоном нависал кран. Чуть дальше, где остановился локомотив, над путями был проложен металлический виадук.

Половину того, что они назвали станцией, занимал кажущийся хаос контейнеров, связок металлических труб, двухсотлитровых железных бочек. Широкие ленты транспортеров, ороженные сеткой, тянулись во все стороны, исчезая в недрах горы: какие-то горизонтально, какие-то под углом. Черт их разберет, куда они ведут, подумал Александр, на них были только ничего не говорящие указатели вроде «24/1». Парень повернулся вокруг своей оси, делая панорамный обзор. Еще в вагоне, не спрашивая ни у кого разрешения, он, как шпион, закрепил миниатюрную камеру, состоящую из объектива и карты памяти, у себя на голове, рядом с налобным фонарем. Видеоотчет о спуске в Ямантау будет готов, что бы ни случилось.

– Чего ждем? – спросил Данилов у командира звена.

– Похоже, решают, куда идти, – ответил Дэн.

– Разве тут нет схемы всего комплекса?

– Где-нибудь на стене, да? Это тебе что, торговый центр? – хмыкнул бывший сурвайвер. – Видно, режим на объекте не предполагал свободного перемещения укрываемых... обычных – по всему комплексу. Надо искать у дежурных служб.

– А где их искать?

– Не твоего ума дело. Ты это, не беги впереди паровоза. Этим сейчас уже занимаются. Наша задача, как я уже сказал, не наступить куда не надо и ноги не протянуть раньше времени. Мы еще понадобится. Наверно, не как боевая единица, а на подсобных работах. Что нам привычно.

Это не могло не радовать.

– Да, кажись, не с кем здесь воевать, – проговорил Презик, боязливо оглядывая пустую станцию.

Ни одного человека. Ни живого, ни мертвого.

* * *

– Я, понимаю, устали, но это, мать вашу, не повод переть вперед, как носороги!

Генерал отчитывал бывалого спецназовца, как нашкодившего котенка.

Демьянов видел, как вытянулось лицо у человека, еще минуту назад хладнокровно обезвредившего гранату с выдернутой чекой. Оправдываться, как мальчик, тот не стал, но и не возразил ничего, соблюдая субординацию.

Майор понимал причину злости Савельева. Они еще даже не начали работу, а уже имели потери и могли бы получить новые. Граната Ф-1, просто и незатейливо привязанная провололочкой к дверной ручке, ждала первого, кто воспользуется санузелом. Теперь она лежала на столе обезвреженная, но все еще таящая в себе немую угрозу.

Приподнятое настроение сменилось чувством злости и желанием перетереть обитателей подземелья в труху. Увеселительной прогулки никто и не ждал, но теперь приходилось идти, каждую секунду ожидая нападения. А это здорово замедляло и без того черепаший шаг. Но если забрался туда, куда забираться не следовало, не жди спокойной жизни.

Незадолго до этого Демьянов, пыхтя, поднялся по лесенке в вынесенную на крышу радиорубку. И вслед за дежурившим там бойцом увидел, как потолок тоннеля внезапно прыгнул вверх. Высота свода, казалось, была метров двадцать. При желании по этой «станции № 1» мог бы проехать автокран с поднятой стрелой. Демьянов вспомнил, что концерн Рабиновича когда-то получил заказ на изготовление нестандартных проходческих комбайнов для строительства объектов к Олимпиаде в Сочи (как давно он читал про это – в прошлой жизни...). Выходит, и здесь они пригодились...

Оказалось, что дальше по рельсам для них пути нет. Тоннель прерывался стальной перемычкой, которая плотно закупорила его, врезавшись в бетон, будто обрушилась на него с силой. Вторая ветка, которая могла быть частью местной кольцевой линии, была заглушена на таком же расстоянии от гейта на станции «Пихты». И открыть их вручную оказалось невозможно. А значит, надо было идти пешком.

Почти сразу после высадки на этот незнакомый берег хреновые вести пришли от дозиметристов. Вопреки ожиданиям, здесь на глубине уровень радиации оказался лишь чуть ниже, чем снаружи на станции, где произвели последнее измерение. Это означало, что радиоактивные воды все-таки проникали в убежище. Значит, времени у них еще меньше. Там наверху радиоактивное облако уже накрывало обезлюдевшее Межгорье и окрестные поселки, откуда ушли даже последние из выживших.

Пока они шли без защиты органов дыхания. Но на глубине, скорее всего, придется снова надеть маски.

К вечеру было обезврежено восемь ловушек на основе распространенных гранат и мин, и еще десять просто помечены и обойдены. Демьянов отметил, что между ловушками есть большая разница. Огнемёт и автоматические пулеметы явно смонтировали до войны. А эти «подарочки» установлены впопыхах и дилетантами.

Легче от этого никому не стало. Зато чувство опасности лучше всяких командирских окриков установило в отряде железную дисциплину. Помня про присутствие в подземелье людей, способных на враждебные действия, они стали гораздо бдительнее. Все шли вперед в молчании: ни шуток, ни посторонних разговоров даже шепотом. Глаза внимательно изучали каждый квадратный сантиметр пола, стен и даже потолка, уши улавливали и анализировали каждый посторонний шорох.

В системе водоснабжения вода была, она текла из кранов жидкой струйкой – было ясно, что резервуары по-прежнему наполняются водой из артезианских скважин. На постах наблюдения они нашли несколько ящиков с НЗ, но их, как и воду, не тронули. Пить было решено только принесенное с собой, а употреблять в пищу – только то, что лежало большими партиями и в запаянных банках, то есть не могло быть отравлено. Пока они таких запасов не нашли, поэтому обходились взятой с собой едой.

Час спустя была закончена разведка соседней станции. С первой ее соединял широкий коридор, вырубленный в скальном граните. Выход обозначала собой бронированная будка КПП, непрозрачное стекло имело микрофон для переговоров и панель, куда прикладывался пропуск, но ни одной прорези. Здесь стояли неподвижные стальные турникеты в человеческий рост, поставленные не для острастки безбилетников, а для сдерживания потока людей. Для сдерживания тех, кого и они не остановили бы, к потолку без всякого стеснения крепилась пулеметная турель знакомой конструкции.

По другую сторону пропускного пункта все выглядело более опрятно. Бетонные стены окрашены в зеленый, лампы упрятаны в плафоны, на пол нанесена цветовая разметка, обозначающая какие-то маршруты передвижения – красные, синие, зеленые линии. Тут были стулья, скамейки и даже декоративные растения в пластиковых кадках. Нашелся даже небольшой кафетерий, в котором они решили ничего не трогать.

Предназначались эти площади, скорее всего, для персонала погрузочного пункта. Эта станция была вдвое меньше первой, но даже она была сравнима со станциями Новосибирского метро...

В середине платформы, прямо под несветящими лампами на потолке, выложены в ряд тюки – большие и поменьше. Похоже, кто-то серьезно готовился к переезду, и Демьянову это не понравилось. Значит, не все в порядке здесь.

Приглядевшись, майор почувствовал, как его будто током ударило. Тюки с поклажей там действительно были. Но были и тела людей. Мужчин, женщин и даже детей. Их было не меньше

тысячи. Некоторые были в гражданской одежде, некоторые в одинаковых серых комбинезонах с номерами.

– Мрак. Это кто их так?

– Не знаю, – пробормотал Савельев. – Но лучше бы нам с ними не встречаться.

Они шли без масок, поэтому в нос ударил тяжелый дух разложения. И по виду, и по запаху было ясно, что лежат тела не меньше месяца.

Один из спецназовцев быстро сделал предварительный осмотр.

– Следов повреждений нет. Похоже на БОВ... Некоторых рвало, были спазмы.

Ну почему нигде их не встречают с цветами, куда бы они ни пришли? Почему везде такая жопа? Кошмар на кошмаре сидит и кошмаром погоняет.

– Срань господня... – выразил он все фразой из американских фильмов.

– Товарищ генерал, – услышал майор голос одного из ракетчиков. – Вижу раны. Нанесены после смерти. – Укусы, – заключил Демьянов, еще до того, как Савельев отреагировал.

Первым телом, которое они увидели здесь внизу, был страшно раздувшийся труп большой собаки, черной как смоль, с лоснящейся шкурой. На перекошенной морде застыл оскал, на пасти запеклась темная кровь, глаза раскрыты. Ран на ней не было, а значит, она могла отравиться, поэтому лезть к ней близко было бы опрометчиво. Брюхо выглядело не вздувшимся от газов, а тугим, как барабан. И только сейчас до майора начало доходить: собака была почти не тронута тлением. И она очень плотно насытилась перед смертью.

Не только люди могут от страха сходить с ума. Насколько Демьянов знал, доберманы в современной России практически не использовались в качестве служебных собак. Да и нет резона брать их с собой в убежище. Выходит, это был чей-то любимец. У него и ошейник оказался непростой, с монограммой из золота. А этот экземпляр был особенно крупный. Кто мог держать в убежище такую тварину – она же одного мяса жрет как два здоровых мужика? Только тот, кому можно было хоть бенгальского тигра провести.

Герр Доберман, создатель породы, был совсем не добрый человек, а сборщик налогов, поэтому и собака вышла соответствующая. Но при надлежащей дрессировке из них получались преданные охранники, а не дикие звери. И с мозгами у них в порядке – не хуже, чем у немецких овчарок. Что тут должно было произойти, что ошалевшая псина начала грызть всех подряд? Одно ясно – эти люди к тому времени были уже мертвы.

Но куда идти дальше со станции-некрополя, если ничего похожего на план так и не нашлось?

Зал с покойниками соединялся с широченным коридором, в котором находилось два лифта, большой и малый, а между ними лестничная клетка. Но та была обрушена, явно подорвана саперами. За раздвижными дверьми лифтов, малого и большого, оказалась пустота. Хороши бы они были, если бы хватило дурасти шагнуть туда не глядя. Из темноты слабо тянуло сквозняком. Снова тревожно затрещал радиометр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.